

Grace Abounding To The Chief Of Sinners

Or,

**A Brief Relation of the Exceeding Mercy of God
in Christ to His Poor Servant**

By

John Bunyan

**Благодать, изобилующая к первому
из грешников,**

**или короткое повествование о безмерной
милости Божией во Христе к Его бедному
слуге**

Джон Буньян

Перевод с английского

Предисловие переводчика

Уважаемый читатель!

Насколько мне известно, это первая попытка перевода духовной автобиографии Джона Буньяна на русский язык. К сожалению, я не профессионал, и перевод выполнен только на 2/3, потому что у меня просто нет больше времени. Но, к счастью, мне удалось перевести почти все трудные места. Надеюсь, что кому-то опыт Джона Буньяна поможет, как помог мне. Желаящие могут присылать сообщения на vladimir-pronin@yandex.ru

Предисловие

Или короткое сообщение о публикации этой работы, написанное самим автором и посвящённое тем, возродить которых к вере Бог счёл его достойным его служением в Слове

Дети, благодать да пребудет с вами, Аминь. Я, будучи взят от вашего общества и так ограничен в свободе, что не могу выполнять обязанность, возложенную на меня Богом по отношению к вам для вашего дальнейшего обучения и назидания в вере и святости, и т. д., и чтобы вы могли увидеть, что моя душа имеет отеческую заботу и желание вашего духовного и вечного благоденствия; я теперь ещё раз, как прежде с вершины Сенира и Ермона, так и теперь от логовищ львиных, от гор барсовых (Песн. 4:8), ещё позабочусь о всех вас, сильно желая увидеть ваше безопасное прибытие в вожделенное Небо.

Благодарю Бога за каждое воспоминание о вас и радуюсь, даже когда я попадаю между львиными зубами в пустыне, благодати, и милости, и познанию Христа нашего Спасителя, которые Бог даровал вам с избытком веры и любви. Ваш голод и жажда по дальнейшему знакомству с Отцом, в Его сыне, нежность вашего сердца, ваше опасение греха, также ваше трезвое и святое поведение и перед Богом, и перед людьми являются сильным подкреплением для меня, «ибо вы — слава наша и радость» (1 Фес. 2:20).

Я послал вам вложенную здесь каплю того мёда, который я взял из львиной туши (Суд. 14:5-9). Я и сам ел от него, и был им много подкреплён. (Искушения, когда мы с ними встречаемся впервые, подобны льву, который рычал на Самсона, но если мы побеждаем их, в следующий раз, когда мы их видим, мы найдём в них медовые соты.) Филистимляне меня не понимают. Это — нечто, связанное с работой Божьей над моею собственной душой, даже с самого начала и до сих пор; из чего вы можете постичь мои взлёты и падения, ибо Он уязвил, и Он исцелит. Написано в Писании (Ис. 38:19): «Отец возвестит детям истину Божию». Да, была на то причина, почему я пребывал так долго у Синая (Втор. 4:10,11), чтобы видеть огонь, и

облако, и мрак, чтобы я научился бояться Господа во все дни жизни своей на земле и рассказал о чудесных делах Его своим детям (Пс. 77:3-5).

Моисей (Чис. 33:1,2) описал путешествия детей Израилевых от Египта до земли Ханаанской и заповедал также, чтобы они помнили своё сорокалетнее странствование по пустыне. «И помни весь путь, которым вёл тебя Господь по пустыне вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет» (Втор. 8:2). Вот почему я попытался это сделать, и не только описать, но и опубликовать это, чтобы, если Бог позволит, другие могли вспомнить, что Он сделал для их душ, читая о Его работе надо мной.

Полезно для Христиан вызывать в памяти самые начала действия благодати на их души. «Это — ночь бдения Господу за изведение их из земли Египетской; эта самая ночь — бдение Господу у всех сынов Израилевых в роды их» (Исх. 12:42). «О мой Боже, – говорит Давид (Пс. 41:7), – унывает во мне душа моя; посему я вспоминаю о Тебе с земли Иорданской, с Ермона, с горы Цоар». Он вспоминал также льва и медведя, когда шёл сражаться с гигантом из Гефа (1 Цар. 17:36,37).

В обычной манере Павла было (Деян. 22), и когда его судили за его жизнь (Деян. 24), всегда открывать перед его судьями то, как он обратился. Он думал о том дне и о том часе, в который встретился с благодатью, поскольку он обнаружил, что это поддерживает его. Когда Бог провёл детей Израилевых через Чёрное море, далеко в пустыне они должны были снова вернуться почти что туда, чтобы вспомнить, как там утонули их враги (Чис. 14:25). Ибо хотя они и пели Ему хвалу раньше, всё же «скоро забыли дела Его» (Пс. 105:11-13).

В этом моём рассказе вы можете увидеть много, повторю, много благодати Божией ко мне. Благодарю Бога, я могу посчитать её как многую, поскольку она была превыше моих грехов и, также, искушений Сатаны. Я могу вспоминать свои страхи, и сомнения, и месяцы печали с утешением; они как голова Голиафа в моей руке. Для Давида не было ничего подобного мечу Голиафа, тому мечу, который должен был погрузиться в его внутренности, ибо самый вид и воспоминание о нём провозглашали Божье избавление для него. О, воспоминание о моих великих прегрешениях, о моих великих

искушениях и о моих великих страхах погибнуть навеки! Они снова воскрешают воспоминание о великой помощи мне, великой поддержке с Неба и великой благодати, которую Бог распростёр к такому несчастному, как я.

Мои дорогие дети, вспоминайте о днях прежних, о летах веков древних, припоминайте также песни ваши в ночи и беседуйте с вашим собственным сердцем (Пс. 76:6-13). Более того, посмотрите старательно и не оставляйте ни одного угла внутри не исследованным, потому что там спрятано сокровище, а точнее, сокровище вашего первого и второго переживания благодати Божией к вам. Помните, как я сказал, слова, которые первыми легли вам на сердце; помните угрызения вашей совести и страх смерти и ада; помните также ваши слёзы и молитвы Богу; более того, как вы вздыхали о милости под каждой изгородью. Неужели у вас никогда не было горы Цоар, чтобы вспоминать? Неужели вы забыли дворик, доильню, стойло, амбар и тому подобное, где Бог посетил вашу душу? Помните также слова — слова, я повторю, которыми Господь призвал вас к надежде. Если вы согрешили против света, если вы подверглись искушению богохульства, если вы впали в отчаянье, если вы думаете, что Бог сражается против вас, или если Небо сокрыто от ваших глаз, помните, так же было и с вашим отцом, но от всего этого избавил меня Господь.

Я мог бы распространиться больше в этом рассказе о своих искушениях и неприятностях за грехи, также как и о милосердной доброте и работе Божией над моей душой. Я мог бы выбрать более высокий стиль, чем тот, в котором я здесь изложил, и мог бы украсить всё более, чем я это сделал здесь, но я не осмеливаюсь. Бог не играл со мной, убеждая меня в греховности, дьявол не играл, искушая меня, также и я не играл, когда проваливался в бездонную пропасть, когда муки ада охватывали меня; поэтому и я не могу играть в моём отношении к ним, но быть понятным и простым и изложить вещи, как они были. Кому это понравится, пусть примет это, а кому — нет, пусть напишет получше. Прощайте.

Мои дорогие дети, молоко и мёд за этой пустыней. Да будет Бог милостив к вам, и дарует, чтобы вы не были ленивы, дабы пойти и овладеть землёй.

Джон Буньян

Благодать, изобилующая к первому из грешников

1. В этом моём повествовании о милосердной работе Божией над моей душой не будет несвоевременным в первую очередь в нескольких словах коснуться моего происхождения и воспитания, чтобы таким образом благодать и щедрость Божья ко мне могла быть более видна и возвеличена перед сынами человеческими.

2. Ибо моё происхождение, как это хорошо известно многим, было из низкого и незначительного рода. Семья моего отца относилась к тому классу, который был самым простым и презренным среди всех семейств страны. Поэтому я не могу, как другие, похвастаться благородной кровью или высокородным положением по плоти. Тем не менее, приняв всё во внимание, я восхваляю Его небесное Величество за то, что таким путём Он привёл меня в этот мир принять участие в благодати и жизни, которая во Христе через Евангелие.

3. Но всё же, не смотря на простоту и незначительность моих родителей, Богу было угодно вложить в их сердца отвести меня в школу учиться и читать, и писать, чего я и достиг соответственно уровню других детей бедных родителей; хотя к моему стыду признаюсь, что я вскоре утратил то малое, чему научился, почти что совершенно, и это задолго до того, как Господь начал Свою благодатную работу по обращению моей души.

4. Что касается моей жизни в то время, когда я был безбожником в мире, она в самом деле проходила по обычаю мира сего и «духа, действующего ныне в сынах противления» (Еф. 2:2,3). Вот что являлось моим наслаждением — быть «уловленным дьяволом в его волю» (2 Тим. 2:26). Будучи наполнен всякой неправдой, которая к тому же так сильно действовала и проявляла себя и в моём сердце, и в жизни, и так с детства, что я имел лишь немногих равных (особенно учитывая незрелость моих нежных лет) в сквернословии, богохульстве, лжи и поношении святого имени Божьего.

5. Более того, я был настолько устоявшимся и укоренённым в этих вещах, что они стали моей второй натурой. Это, как я трезво расценил в последствии, настолько оскорбляло Господа, что даже в

детстве Он пугал и страшал меня снами, полными страха, и ужасал меня страшными видениями. Часто, после того, как я провёл тот или иной день в грехе, в своей постели во время сна я сильно страдал, тревожимый бесами и злыми духами, которые, как я тогда думал, пытались утащить меня с собой, от чего я никогда не мог избавиться.

6. В те годы я также сильно страдал и был обеспокоен мыслями о дне суда, и днём и ночью, и дрожал от мыслей о страшных мучениях в адском огне, постоянно боясь, что моей участью будет оказаться наконец среди тех бесов и адских злодеев, которые там связаны цепями и узами вечного мрака «на суд великого дня».

7. Эти вещи, как я сказал, когда я был всего лишь ребёнком только девяти или десяти лет, причиняли такое страдание моей душе, что посреди многих забав и детской возни среди моих пустых товарищей я был повергаем в сильное уныние и страдал в душе, но я всё же не мог оставить своих грехов. Более того, тогда я также настолько потерял надежду на Жизнь и Небо, что часто желал, чтобы либо не было никакого ада, либо я был бы дьяволом, полагая, что они — только мучители; что если мне придётся идти туда, я бы лучше был мучителем, чем мучим сам.

8. Некоторое время спустя эти ужасные сновидения оставили меня, и я вскоре о них забыл, ибо мои развлечения быстро затмили само воспоминание о них, как будто их никогда и не было. Поэтому с ещё большей жадностью, соответственно силе природы, я отпустил поводья своих похотей и наслаждался во всех преступлениях против закона Божьего. Так что к моменту моей женитьбы я был главным предводителем всей молодёжи, которая составляла мою компанию, во всех видах порока и нечестия.

9. Более того, такое господство имели похоти и дела плоти над моей душой, что если бы не чудесное вмешательство драгоценной благодати, я бы не только погиб под ударом вечного Суда, но также подвёл бы себя даже под удар тех законов, которые приводят некоторых к бесчестию и явному позору перед лицом мира.

10. В те дни мысли о религии были для меня очень мучительны. Я не мог их переносить ни сам в себе, ни в ком другом. Когда я видел кого-то, читающего книги по Христианскому благочестию, это было наподобие тюрьмы для меня. Тогда я говорил Богу: «Отойди от меня;

не хочу знать путей твоих» (Иов 21:14). Всякое здоровое суждение покинуло меня тогда, небеса и ад находились за пределами поля зрения моего ума; и что касается спасения или гибели, – это меня волновало меньше всего. О, Господи, Ты знаешь мою жизнь, и пути мои не скрыты от Тебя.

11. И вот ещё что мне хорошо помнится: хотя сам я мог грешить с превеликим наслаждением и лёгкостью, и также получал удовольствие от выходок моих товарищей, всё же, даже тогда, если я когда-либо видел злые поступки, совершаемые теми, кто изображал благочестие, это заставляло мой дух содрогаться. Как однажды особенно, когда я был на пике своей суетности, однако, слушая одного, кто считался за религиозного человека, сквернословящим, это возымело такое действие на мой дух, что заставило почувствовать боль в сердце.

12. Но Бог не в конец оставил меня, а всё ещё присматривал за мной, но теперь не убеждением в греховности, а судами, которые всё же были разбавлены милостью. Так, однажды я свалился в морскую бухту и едва не утонул. Другой раз я выпал из лодки в реку Бедфорд, но милость снова сохранила меня в живых. Кроме того, в другой раз я шёл по полю с одним своим товарищем, и случилось, что гадюка переползала дорогу; и я палкой, имевшейся у меня в руке, ударил её поперёк спины, и, оглушив её, с усилием открыл её пасть своей палкой и выдернул её жало своими пальцами, и тогда, не будь Бог милостив, я мог бы этим безрассудством приблизить свой конец.

13. Ещё один случай я вспоминаю с благодарением. Когда я был солдатом, вместе с другими я был привлечён идти на осаду одного города; но когда я уже был готов выступить, кто-то из нашей роты пожелал идти вместо меня, и когда я согласился, он занял моё место, и, придя туда, когда он стоял на часах, он был застрелен в голову мушкетной пулей и умер.

14. Это, как я сказал, были суды с милостью, но ни один из них не пробудил моей души к праведности, поэтому я всё ещё грешил, и становился всё более и более мятежным по отношению к Богу и не заботился о своём собственном спасении.

15. Вскоре после этого моё положение переменилось на женатое, и, к своему счастью, я нашёл жену, чей отец считался благочестивым

человеком. Эта женщина и я, поскольку мы сошлись такими бедными, какими только можно быть, имели не так много домашней утвари, как, например, одну тарелку или ложку на двоих, однако у неё с её стороны были «Простой путь человека к Небесам» и «Практическое благочестие», которые после смерти оставил ей отец. Эти две книги я иногда читал с ней, в них я к тому же находил некоторые вещи, которые были мне чем-то приятны, но всё это время я не испытывал никакого сознания греховности. Она также часто рассказывала мне, каким благочестивым человеком был её отец, и как он порицал и исправлял порок и в своём доме, и среди соседей, какую строгую и святую жизнь он прожил и в слове, и в деле.

16. По этой причине те книги, при таком родстве, хотя и не достигли моего сердца, чтобы пробудить его от печального и грешного состояния, всё же зародили во мне некоторую склонность к религии; так что, не зная ничего лучшего, я очень охотно впал в религию того времени, а именно, стал ходить в церковь дважды в день, и к тому же среди первых; и делал это очень преданно, и говорил и пел, как и остальные, всё ещё продолжая свою порочную жизнь; и к тому же я был так одержим духом суеверия, что с большой увлечённостью обожал даже всю утварь, и алтарь, и священника, и клир, и ризы, и службу, и всё, что принадлежит к церкви, считая всё, содержащееся там, святым, а священника и клир — самыми счастливыми и, без сомнения, очень благословенными, потому что они были слугами, как я тогда думал, Бога, и были начальниками в святом храме, чтобы делать там Его работу.

17. Эта идея так завладела моим духом в короткое время, что едва завидев священника, хотя бы самого жалкого и развратного в своей жизни, я обнаруживал свой дух повергающимся перед ним, почитающим его и прилепляющимся к нему; да, я думал, что из-за любви, каковую я испытывал по отношению к ним, полагая, что они были слугителями Божьими, я мог бы лечь под их ноги и быть попираем ими; их звание, их одеяние и служба так опьяняли и очаровывали меня.

18. После того, как я пребывал в таком состоянии довольно продолжительное время, другая мысль пришла мне на ум; вот она: не были ли мы Израильтянами? Ибо, найдя в Писании, что однажды они считались особенным народом Божьим, я подумал, если бы я был из

этого народа, моя душа непременно бы стала счастлива. Тогда я обнаружил в себе сильную жажду разрешить этот вопрос, но не знал, как это сделать. Наконец, я спросил своего отца об этом, и он сказал мне, что мы ими не являлись. Поэтому я пал духом, что касается этой надежды, и так оставался.

19. Но всё это время я не понимал опасности и вреда греха; я был удерживаем от того, чтобы считать, что грех осудит меня, какой бы религии я ни следовал, если я не буду найден во Христе. Нет, я никогда не думал о Нём, существовал ли Он или нет. Таким образом человек, будучи слеп, блуждает, только лишь утомляя себя суетой, потому что он не знает пути в город Божий (Эккл. 10:15).

20. Но однажды, среди прочих проповедей, произнесённых нашим священником, его предметом было соблюдение дня Господнего и недопустимость его нарушения либо работой, увеселениями, либо чем другим. В то время, не смотря на свою религиозность, я был тем, кто получал наслаждение от всех видов порока, и особенно я утешал себя им в этот день, поэтому моя совесть была уязвлена его проповедью, и я думал и верил, что он произнёс эту проповедь нарочно, чтобы указать на мои злые дела; и в тот раз я испытал чувство вины как никогда раньше, насколько могу вспомнить; но тогда я был им чрезвычайно обременён, и так шёл домой после окончания проповеди с великой тяжестью на душе.

21. На тот момент это притупило стремление к моим любимым наслаждениям и сделало для меня горькими мои прежние удовольствия; но это не продолжалось долго; потому что не успел я хорошо пообедать, как тревога стала покидать мой разум, и моё сердце вернулось к прежнему курсу: ох, как я был рад, что эта тревога меня оставила, и огонь был потушен, чтобы я снова мог безостановочно грешить! Поэтому когда я удовлетворил свой организм пищей, я вытряхнул ту проповедь из своей головы, и к своим старым обычным развлечениям и азартным играм я вернулся с великим удовольствием.

22. Но в тот же самый день, во время игры в кошку, ударив её один раз от лунки, когда я был уже готов ударить во второй раз, вдруг голос с неба стрелой примчался в мою душу и сказал: «Оставишь ли ты свои грехи и пойдёшь на Небеса, или продолжишь грешить и будешь ввергнут в ад?» Тут я оказался в чрезвычайном

замешательстве; поэтому, оставив свою кошку на земле, я посмотрел на небо, и было, как если бы я глазами своего разума увидел Господа Иисуса, смотрящего вниз на меня, очень раздражённого и недовольного мною, и как если бы Он строго грозил мне каким-то ужасным наказанием за те или иные мои нечестивые дела.

23. Не успел я постичь это своим разумом, как внезапно мои мысли устремились к заключению (ибо предшествовавший намёк снова напомнил мне о моих грехах), что я был великим и горьким грешником, и что мне уже слишком поздно искать Небес; ибо Христос не простит меня, нет прощения моим проступкам. Тогда я задумался и над этим; и пока я об этом думал, опасаясь, что это на самом деле так, я почувствовал, как моё сердце погружается в отчаяние, соглашаясь, что слишком поздно; и поэтому я решил в своём разуме, что продолжу грешить; ибо, думал я, если дело обстоит так, - моё положение, конечно, печальное; печальное, и если я оставлю свои грехи, также печальное, если я буду их держаться; я могу быть только осуждён, и если мне так суждено, я лучше буду осуждён за многие грехи, чем за немногие.

24. Так я и застыл посреди своей игры перед всеми, кто тогда присутствовал; однако, ничего им не рассказал: только, сделав это умозаключение, я снова отчаянно вернулся к своей игре; и я хорошо помню, как вскоре такого рода отчаяние так завладело моей душой, что я был убеждён: я никогда не смогу достичь иного утешения, кроме того, которое я получу в грехе; ибо Небеса уже закрыты, так что мне об этом нечего и думать; поэтому я обнаружил в себе огромное желание насытиться грехом, по-прежнему размышляя, какой бы грех совершить, чтобы вкусить его сладость; и поспешил, насколько мог, насытить своё чрево его деликатесами, чтобы не умереть прежде, чем исполню своё желание; ибо этого я сильно боялся. Обо всех этих вещах — я торжественно заявляю пред Богом — не лгу, и не выдумываю такую манеру речи; это были, действительно, решительно и от всего моего сердца, мои желания. Господи благий, чья милость непостижима, прости мне мои проступки.

25. И я совершенно уверен, что это искушение дьявола — более распространено среди бедных созданий, чем многие осознают, для того, чтобы наводнить их дух испорченным и ожесточённым

состоянием сердца, притупляя совесть; каковое сердце он тихой сапой наполняет таким отчаянием, что хотя в душе присутствует и не много чувства вины, однако они постоянно носят глубоко в себе умозаключение, что для них нет никаких надежд; ибо они «полюбили чужих и будут ходить вслед их» (Иер. 2:25; 18:12).

26. Поэтому в то время я продолжал грешить с великой жадностью души, к тому же испытывая недовольство, что я не мог быть удовлетворён настолько, насколько я бы хотел. Так со мной продолжалось около месяца или более; но в один из дней, когда я стоял у соседской витрины, ругаясь и сквернословя, и разыгрывая безумца в моей обычной манере, внутри сидела женщина из этого дома, и, услышав меня, хотя она сама была очень распущенной и нечестивой негодницей, всё же возмутилась, что я ругался и сквернословил самым ужасным образом, так что это заставило её содрогнуться, слушая меня; и сказала мне потом, что я был самым нечестивым парнем, что касается сквернословия, какого она когда-либо в своей жизни слышала; и что я, так поступая, был способен испортить всю молодёжь в целом городе, если только они попадут в мою компанию.

27. Это порицание меня утихомирило, и я втайне устыдился, и к тому же, как я подумал, перед Богом Небес; поэтому, пока я стоял там повесив голову, я желал всем своим сердцем, чтобы я снова мог стать маленьким ребёнком, чтобы мой отец мог научить меня говорить без этой злой привычки сквернословить; ибо, думалось мне, я настолько привычный к этому, что не стоит и думать об исправлении, потому что я думал, это невозможно.

28. Как это произошло, я не знаю, но с того раза и впредь я настолько избавился от сквернословия, что для меня было великим чудом наблюдать это; и если раньше я не знал, как заговорить, если не вставить сначала ругательство и другое вослед, чтобы сделать свои слова весомыми, теперь я мог без этого говорить лучше и с большей приятностью, чем я мог когда-либо раньше. Всё это время я не знал Иисуса Христа и не оставлял свои развлечения и игры.

29. Но вскоре после того я попал в компанию одного бедного человека, который исповедовал религию; кто, как я тогда думал, приятно говорил о Писании и на предмет религии; поэтому, полюбив и расположившись к тому, что он говорил, я обратился к своей

Библии и начал получать большое удовольствие от чтения, но в основном от исторической её части; ибо, что касается посланий Павла и Писаний подобного рода, я не мог на них задержаться, ещё не понимая ни испорченности моей природы, ни необходимости и ценности Иисуса Христа для моего спасения.

30. По этой причине я занялся некоторым внешним исправлением, и в словах, и в житии, и установил перед собой заповеди для своего пути на Небеса; каковые заповеди я к тому же старался соблюдать, и когда я иногда думал, что придерживался их довольно хорошо, тогда успокаивался; но время от времени нарушал одну и так уязвлял свою совесть; но затем я каюсь и говорю, что сожалею об этом, и обещаю Богу в другой раз поступать лучше, и снова получал спасение, ибо тогда я думал, что угождал Богу также, как и любой человек в Англии.

31. Так продолжалось около года; всё это время наши соседи принимали меня за очень благочестивого человека, обновлённого и религиозного, и много удивлялись, видя такую великую и славную перемену в моей жизни и манерах; а так было и в самом деле, хотя я ещё не знал Христа, ни благодати, ни веры, ни надежды; и воистину, как я ясно увидел впоследствии, умри я тогда, моё положение было бы самым страшным; это продолжалось, как я сказал, около года или более.

32. Но, как я сказал, мои соседи были в восхищении от этого моего обращения от чудовищного богохульства к чему-то, подобному нравственной жизни; и, воистину, у них были причины; потому что это моё обращение было настолько великим, насколько для Тома из сумасшедшего дома вернуться в здравый рассудок. Поэтому теперь они начали меня хвалить и превозносить, и хорошо отзываться обо мне и в лицо, и за глаза. Теперь, как они говорили, я стал благочестивым человеком; теперь меня считали праведным и честным. О, когда я узнал о таких словах и мнениях обо мне, это было мне очень приятно. Поэтому, хотя я всё ещё был ни чем иным, как только бедным приукрашенным лицемером, всё же мне нравилось, когда обо мне говорили как об истинно благочестивом. Я гордился своей набожностью и делал всё, что я делал, или чтобы показаться перед людьми, или чтобы обо мне хорошо говорили. И таким образом я продолжал около года или более.

33. Теперь вы должны знать, что перед этим я находил большое удовольствие, звоня в колокола, но совесть моя становилась чувствительной, я подумал, что такая практика была лишь суетой, и поэтому заставил себя оставить её, тогда как моё сердце страстно желало этого; поэтому я ходил на колокольню смотреть, хотя и не осмеливался звонить. Но я подумал, что это также не было религиозным, всё же я заставлял себя и тихо смотрел; но вскоре я стал думать: «А что, если один из колоколов упадёт?» Тогда я перебрался под главную балку, которая лежала поперёк часовни от одной стороны до другой, думая, что так я мог стоять вне опасности, но затем я снова подумал: упади колокол при раскачивании, он мог сначала ударить стену, а затем отскочить в меня, мог убить меня и за этой балкой. Это заставляло меня стоять в дверном проёме колокольни; и теперь, думалось мне, я в достаточной безопасности; потому что если колокол упадёт, я смогу выскользнуть наружу за эти толстые стены и уцелею не смотря ни на что.

34. Итак, после этого я всё ещё ходил смотреть как звонят, но не заходил дальше двери колокольни; но потом мне пришло в голову: «А что если сама колокольня упадёт?» И эта мысль (она могла, насколько мне известно), когда я стоял и смотрел на неё, постоянно так волновала мой разум, что я не осмеливался больше стоять в дверях колокольни и был вынужден спасаться бегством из страха, что колокольня упадёт на мою голову.

35. Другим обстоятельством были мои танцы; ещё целый год я не мог полностью оставить это; но всё это время, когда я думал, что выдержал ту или иную заповедь или сделал, словом или делом, что-то по моему мнению доброе, я чувствовал великий мир в своей совести; и думал в себе, что у Бога нет другого выбора, кроме как быть теперь мной довольным; более того (чтобы рассказать это в моей собственной манере), я думал, что ни один человек в Англии не мог бы угодить Богу больше, чем я.

36. Каким беднягой я был, всё это время я не знал Иисуса Христа и расхаживал, поставляя свою собственную праведность; и погиб бы в ней, не покажи мне Бог, по милости, больше о моём истинном состоянии.

37. Но однажды благое Божье провидение отправило меня в Бедфорд работать по моей профессии; и на одной из улиц этого города я

набрёл на место, где у двери на солнышке сидели три или четыре бедные женщины и говорили о Божьих делах; и, желая теперь послушать их беседу, я подошёл поближе, чтобы послушать, о чём они говорили, потому что я сам теперь был живым участником в разговорах на предмет религии, но тут я могу сказать, я слышал, но не понимал; ибо они были значительно выше, за пределами моего понимания, ибо их разговор был о новом рождении, работе Божьей в их сердцах, также, как они осознали жалкое состояние своей природы; они рассказывали, как Бог посетил их души Своей любовью в Господе Иисусе, и какими словами и обетованиями они были оживлены, утешены и подкреплены против искушений дьявола. Более того, они рассуждали об обольщениях и искушениях Сатаны в частностях, и рассказывали друг другу, от каких они пострадали, и как они стойко выдерживали его нападения. Они также обсуждали негодность их собственных сердец, своё неверие; и презирали, пренебрегали и ненавидели свою собственную праведность, как грязную и недостаточную, чтобы принести им какое-либо добро.

38. И, мне казалось, они говорили так, как будто радость заставляла их говорить; они говорили с такой приятностью языка Писания, и с таким проявлением благодати во всём, что говорили, что они были для меня как бы открывшими новый мир, как если бы они были людьми, живущими отдельно, и между соседями не числились (Чис. 23:9).

39. И тут я почувствовал, как моё сердце затрепетало, подозревая, что моё состояние было ничтожным; ибо я увидел, что во всех моих мыслях о религии и спасении новое рождение никогда и не мелькало, так же не знал я ни утешения Слова и обетования, ни об обманчивости и неверности моего собственного злого сердца. Что касается тайных мыслей, я не придавал им никакого значения; также я не понимал, какими были искушения Сатаны, или как им следовало противостоять и оказывать сопротивление и т. д.

40. Поэтому, когда я услышал и сообразил, о чём они говорили, я оставил их и снова пошёл по своей работе, но их разговор и рассуждения пошли со мной, а моё сердце задержалось с ними, ибо я был чрезвычайно взволнован их словами, и потому, что ими я был убеждён, что нуждаюсь в истинных знаках истинно благочестивого

человека, и потому, что ими я был убеждён в счастье и благословенном состоянии того, кто являлся таковым.

41. Поэтому я взял за правило снова и снова приходиться в компанию этих бедных людей, ибо я не мог оставаться в стороне; и чем больше я бывал среди них, тем больше подвергал сомнению своё состояние. И, как я ещё помню, вскоре я обнаружил в себе две вещи, которым я временами удивлялся, особенно учитывая, каким слепым, невежественным, жалким и нечестивым негодяем я был только что; одна из них — глубокая мягкость и нежность сердца, заставлявшая меня склоняться под убеждением того, что они доказывали Писанием; и другая — большая склонность моего ума к постоянному размышлению об этом и обо всех других благих вещах, о которых я в любое время слышал или читал.

42. На этих вещах мой разум был настолько сосредоточен, что лежал подобно лошадиной пиявке на вене, всё ещё кричащей: «давай, давай» (Прит. 30:15); да, он был сосредоточен на вечности и на фактах о Царствии Небесном, конечно, насколько я знал, хотя пока ещё, Бог знает, я знал только немного; что ни развлечения, ни нажива, ни уговоры, ни угрозы не могли ослабить этого или заставить отпустить хватку; и хотя я могу говорить это стыдясь, всё же это несомненная правда, для меня тогда было настолько же трудно опустить мой разум с Небес на землю, насколько и поднять его снова с земли к Небесам, как обнаруживал я часто с тех пор.

43. Одно обстоятельство я не могу пропустить: в нашем городе был один молодой человек, к которому моё сердце было привязано больше, чем к кому-либо другому, но он был самым испорченным из-за брани и сквернословия, и распутства; теперь я избавился от него и оставил его компанию; но примерно месяца через три после того, как я оставил его, я встретил его на одной тропинке и спросил его, как он поживает; он сквернословя и в своей буйно весёлой манере ответил, что хорошо. «Но, Гарри, - сказал я, - почему ты так ругаешься и бранишься? Что станет с тобой, если ты умрёшь в этом состоянии?» Он ответил мне в сильном раздражении: «Что бы дьявол сделал за компанию, если бы это не было за такого как я?»

44. Примерно в это время мне попались некоторые книги рантеров, которые были в обращении у некоторых из наших земляков, каковые книги были также высоко оценены несколькими старыми

верующими; некоторые из них я прочитал, но не смог вынести суждения о них; поэтому когда я читал их и думал о прочитанном, чувствуя себя неспособным рассудить, я прибегал к сердечной молитве в таком духе: «Господи, не оставь меня в моей собственной неспособности либо одобрить, либо осудить это вероучение; если оно от Бога, не позволяй мне презреть его, если оно от дьявола, не позволяй мне принять его. Господи, я кладу свою душу в этом вопросе только к Твоим ногам; не позволяй мне быть обманутым, я смиренно умоляю Тебя». Всё это время у меня был один близкий товарищ по религии, и им был тот бедный человек, о котором я упоминал раньше, но примерно в это время он также превратился в самого дьявольского рантера и предался всякого рода мерзостям, особенно разврату; он также отрицал, что есть Бог, ангел или дух; и смеялся над всеми увещаниями к разуму. Когда я пробовал упрекнуть его за нечестие, он смеялся ещё громче и прикидывался, что прошёл через все религии и не мог до сих пор найти правильную. Он также сказал мне, что скоро мы увидим, как все верующие обратятся к путям рантеров. Поэтому, питая отвращение к тому проклятому вероучению, я немедленно оставил его компанию и стал ему таким же чужаком, как прежде был знакомым.

45. Не только этот человек был искушением для меня; но когда по работе путь мой лежал в деревню, мне случилось наткнуться на компанию нескольких людей, которые хотя прежде и не допускали отклонений в религии, также были увлечены этими рантерами. Они также рассказывали мне о своих путях и осуждали меня как тёмного законника; претендуя, что только они достигли совершенства и могли делать, что хотели, и не согрешать при этом. О! эти искушения были подходящими для моей плоти; я был всего лишь молодым человеком в расцвете сил; но Бог, Который, надеюсь, предназначил меня для лучшего, хранил меня в страхе Своего имени, и не потерпел, чтобы я принял такое вероучение. И да будет благословен Бог, Который вложил в моё сердце воззвать к Нему, прося хранить и направлять, всё ещё не полагаясь на свою собственную мудрость; ибо я с тех пор увидел результат той молитвы в сохранении меня не только от ошибок этих рантеров, но также и тех, кто возникал в последствии. Библия была для меня драгоценна в те дни.

46. И теперь, мне казалось, я начал смотреть в Библию новыми глазами, и читать так, как не читал никогда раньше; и особенно

послания Апостола Павла были милы и приятны мне; и, действительно, в то время я никогда не оставался без Библии, либо читая, либо размышляя; по-прежнему взывая к Богу, чтобы я мог узнать истину и путь на Небеса и славу.

47. И, продолжая чтение, я наткнулся на одно место: «Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера» (1Кор.12:8,9). И хотя, как я в последствии понял, в этом писании Святой Дух имеет в виду прежде всего вещи сверхъестественные, однако во мне это тогда связывалось с убеждением, что мне не доставало вещей естественных, таких как понимание и мудрость, которые другие Христиане имели. Я задумался над этими словами и не знал что делать, особенно слово «вера» ставило меня в тупик, ибо я ничего не мог поделать, только иногда задавался вопросом, имел ли я веру или нет; но я не склонялся к заключению, что не имею никакой веры; ибо если я так сделаю, думал я, то вообще сочту себя самым отверженным человеком.

48. Нет, сказал я себе, хотя я убеждён, что являюсь невежественным пьяницей, и мне не достаёт тех благословенных даров знания и понимания, которые другие добрые люди имеют; всё же, наудачу, я сделаю заключение, что я не совсем безверный, хотя я не знаю, что такое вера. Ибо мне было показано, и к тому же (как я в последствие понял) Сатаной, что те, которые сами себя заключили в неверующее состояние, не имели ни мира, ни покоя в своих душах; и я был не склонен впасть в полное отчаяние.

49. Поэтому этим предположением я принуждался некоторое время бояться заметить в себе недостатку веры; но Бог не потерпел, чтобы я таким образом погубил и разрушил свою душу, но постоянно, противодействуя моему печальному и слепому умозаключению, возбуждал по-прежнему во мне такие вопросы для того, чтобы я не мог на этом успокаиваться, пока не приду к верному знанию, имею ли я веру или нет. Вот что всегда звучало в моём разуме: «Но что, если у тебя и в самом деле нет веры? Но как ты можешь знать, что имеешь веру?» И кроме того я несомненно понимал, если не имел, я, конечно, должен погибнуть навеки.

50. Так что, хотя в начале я вознамерился не обращать внимание на действие веры, всё же вскоре, получше рассудив о предмете, я захотел испытать себя, имел ли я веру или нет. Но увы, бедняга,

таким невежественным и глупым я был, что и сегодня знаю, как это сделать не больше, чем знаю, как начать и кончить ту превосходную и искусную картину, которую я ещё не видел и не разглядывал.

51. Поэтому, когда я таким образом рассуждал и готовился к решительному шагу для этого (ибо вы должны знать, что я сломал себе голову как никто другой до настоящего времени), искуситель приступил со своим обманом, что нет другого способа узнать, есть ли у меня вера, кроме как попытаться совершить чудо: подстрекая теми писаниями, которые, казалось, выглядят подобным образом, для усиления и укрепления своего искушения. Более того, однажды, когда я был между Эльстоу и Бедфордом, во мне оживилось искушение испытать, имею ли я веру, сотворением определённого чуда; коим чудом в тот раз было вот что: я должен был сказать лужицам, стоявшим в ямках от лошадиных копыт: «Будьте сухими», а сухим местам: «Станьте лужами». И, воистину, один раз я уже собрался сказать это на самом деле; но когда я был готов заговорить, следующая мысль пришла мне на ум: «Но иди вон туда под изгородь и помолись сначала, чтобы Бог сделал тебя способным на это». Но когда я закончил молиться, свежая мысль пришла ко мне; что если я помолился, и снова пришёл бы и попытался сделать это, и однако ничего не сделал, тогда убедился бы, что не имею веры, но являюсь отверженным и потеряннным; нет, если это так, я пока не буду пытаться, но ещё немного подожду.

52. Так я и оставался в глубоком недоумении; ибо я думал, если веру имели только те, кто мог делать такие чудесные вещи, тогда я заключил, что теперь я её не имел, и не похоже было, что в будущем буду её иметь. Таким образом меня бросало между дьяволом и моим собственным невежеством, и я так запутался, а временами особенно, что не знал, что и делать.

53. Примерно в это время состояние и блаженство этих бедных людей в Бедфорде было представлено мне во сне или видении таким образом; я увидел, будто они сидели на солнечном склоне некой высокой горы, подкрепляя себя приятными солнечными лучами, в то время как я дрожал и ёжился на холоде, страдал от мороза, снега и тёмных облаков. Мне казалось также, между ними и мной я увидел стену, окружавшую эту гору; через эту стену моя душа теперь сильно

желала перебраться, заключая, что если бы я сумел, я бы вошёл в самую середину их и там тоже утешался теплом их солнца.

54. Я подумал, что буду ходить около этой горы снова и снова, высматривая, когда пойду, не смогу ли найти какой-нибудь путь или проход, которым я бы мог войти туда: но некоторое время не мог найти никакого; наконец, я увидел как будто бы узкую брешь, как маленький дверной проём в стене, через который я попытался пройти. Но проход был очень тесный и узкий, я сделал много попыток, чтобы попасть внутрь, но всё напрасно, даже почти пробился, стараясь попасть внутрь; наконец, с большим усилием, мне показалось, я впервые просунул внутрь свою голову, и после этого боком — свои плечи, и всё тело; тогда я чрезвычайно обрадовался и пошёл, и сел среди них, и был так утешен светом и теплом их солнца.

55. Тогда эта гора и стена и т. д. были поняты мной таким образом: гора означала церковь живого Бога; солнце, льющее на неё свет — утешающее сияние Его милостивого лица на тех, кто внутри; стена, как я подумал, была Словом, которое делало разделение между Христианами и миром; и брешь, имевшаяся в стене, я подумал, была Иисусом Христом, который есть путь к Богу Отцу (Инн. 14:6; Мф. 7:14). Но поскольку проход был удивительно узким, даже настолько узким, что я мог только с великим затруднением войти туда, это показало мне, что никто не мог войти в жизнь, кроме тех, которые были совершенно искренними, и если они оставили этот грешный мир позади; ибо здесь было место только для тела и души, но не для тела, души и греха.

56. Это подобие пребывало на моём духе много дней; и всё это время я видел себя в несчастном и печальном состоянии, но испытывал неистовый голод и желание быть одним из числа сидящих на солнышке. В то время также я молился, где бы ни был, в доме ли, или вне, в здании или на поле, и также часто, вознося своё сердце, пел пятидесятый Псалом: «О Господи, воззри на страдание моё», ибо я ещё не знал, где находился.

57. Я всё ещё не мог достичь какого-либо утешительного подтверждения, что я имею веру во Христа; только вместо того, чтобы убедиться, я начал замечать, что на мою душу нападают новые сомнения относительно моего будущего блаженства; в особенности

такие: был ли я избранным? А что, если день благодати уже прошёл и закончился?

58. Эти два искушения очень сильно беспокоили и тревожили меня; иногда одно, а иногда другое из них. И во-первых, говоря о сомнении в моём избрании, я обнаружил в то время, что хотя я и находился в пылу поисков пути к Небесам и славе, и хотя ничто не могло сбить меня с этого пути, однако этот вопрос так раздражал и обескураживал меня, что я чувствовал, особенно временами, как будто сама крепость моего тела была отнята его влиянием и силой. Следующее писание также, казалось мне, растаптывало все мои желания: «Итак, не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего» (Рим. 9:16).

59. С этим писанием я не знал, что и делать; ибо я явно видел, что если бы великий Бог в Своей бесконечной благодати и щедрости не благоволил избрать меня сосудом милосердия, хотя бы я желал, и жаждал, и трудился, пока моё сердце не разорвётся, ничего хорошего не могло бы выйти из этого. Поэтому от меня не отставал вопрос: «Как ты можешь знать, что ты избран? А что если не так? Что тогда?»

60. «О Господи, - думал я, - что если я в самом деле не из избранных?» «Может быть, что и нет», – говорил искушитель. «На самом деле может быть так», – думал я. «Ну тогда, – сказал Сатана, - тебе бы лучше отступить и не пытаться дальше; ибо если в самом деле ты не был избран и выбран Богом, не может быть и речи, чтоб тебе спастись; ибо «не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего».

61. Этими вещами я был заведён в тупик, не зная, что сказать или как ответить на эти искушения (на самом деле, я и не думал, что таким образом на меня напал Сатана, но что это скорее моё собственное благоразумие таким образом ставило вопрос); ибо только избранные достигают вечной жизни, к которой я, без сомнения, усердно стремился; но то, что я был одним из них, было под вопросом.

62. Таким образом в течение нескольких дней я был сильно атакован и запутан; и часто идя пешком, я был готов провалиться, где шёл, теряя самообладание; но однажды после того, как я так много недель был этим угнетён и повергнут в уныние, когда почти потерял мои

последние надежды когда-либо достичь Жизни, следующее изречение весома легло мне на сердце: «Взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу — и был постыжен?»

63. Им я был сильно просвещён и ободрён в душе; ибо таким образом в тот самый момент мне было разъяснено: «Начни с начала Бытия и читай до конца Откровения, и посмотри, сможешь ли найти, что был когда-либо кто-нибудь надеявшийся на Господа и постыжённый». Итак, придя домой, я сейчас же пошёл к своей Библии посмотреть, смогу ли я найти это высказывание, не сомневаясь, что вскоре его найду; ибо оно было таким свежим и с такой силой и утешением пребывало в моём духе, что я чувствовал, будто оно разговаривало со мной.

64. Итак, я посмотрел, но не нашёл его; однако оно не оставляло меня; тогда я спросил сперва одного доброго человека, затем другого, не знали ли они, где оно находилось, но они не знали такого места. На это я удивлялся, что такое изречение так внезапно и с таким утешением и силой охватило меня и осталось пребывать на моём сердце, но никто не мог найти его, ибо я не сомневался, что оно было в Святом Писании.

65. Так я продолжал более года и не мог найти это место; но, наконец, заглянув в апокрифические книги, я нашёл его в Экклезиасте [В синодальном переводе - Сирах 3:10. Переводчик]. Это сначала обескуражило меня; но поскольку к этому времени у меня было больше переживания любви и доброты Божией, это беспокоило меня меньше; особенно, когда я рассудил, что хотя оно находилось не в тех текстах, которые мы называем святыми и каноническими, всё же, поскольку это изречение было сущностью и содержанием многих обетований, моим долгом было принять утешение от него; и я благословляю Бога за то слово, ибо оно было ко мне от Бога. То слово всё ещё порой сияет перед моим взором.

66. После этого другое сомнение с силой нашло на меня: «А что, если день благодати прошёл и закончился? Что, если ты пропустил время милости?» Помню, однажды, когда я шёл в деревню, я был поглощён этими мыслями: «А что, если день благодати прошёл?» И чтобы увеличить моё беспокойство, искуситель указал мне на тех добрых людей в Бедфорде, и внушил мне так: что они уже обращённые, и это

все, кого Бог спас в тех краях; и что я пришёл слишком поздно, ибо эти получили благословение до того, как я пришёл.

67. Тогда я был в глубоком страдании, действительно думая, что вполне могло быть так; поэтому я ходил взад-вперёд, оплакивая своё печальное состояние, считая себя намного хуже, чем тысяча глупцов за то, что стоял так долго вне и потратил так много лет на грех, как я и сделал, всё ещё взывая: «О, если бы я обратился раньше! О, если бы я обратился семь лет назад!» Это заставляло меня злиться на себя из-за мыслей, что моего ума хватило только на то, чтобы потратить своё время понапрасну, пока моя душа и Небеса не были потеряны.

68. Но когда я уже долго находился под этим страхом и был неспособен предпринять ещё один шаг, почти на том же месте, где я получил другое своё ободрение, в мой разум ворвались следующие слова: «Убеди придти, чтобы наполнился дом мой; и еще есть место» (Лук. 14:22,23). Те слова, а особенно эти: «и ещё есть место», были сладки моему сердцу; ибо я воистину подумал, что через них я увидел, что для меня достаточно места на Небесах; и более того, что когда Господь Иисус говорил эти слова, Он тогда думал обо мне, и что Он, зная, что придёт время, когда я буду страдать от страха, что для меня не осталось места у Его груди, прежде сказал это слово и оставил его в записи, чтобы я мог найти в нём помощь против подлого искушения. В это я тогда воистину верил.

69. В свете и ободрении этих слов я ходил немалое время; и утешение становилось ещё большим, когда я думал, что Господь Иисус думал обо мне так давно, и что Он сказал те слова нарочно ради меня; ибо истинно, я думал, что Он сказал их нарочно, для ободрения меня ими.

70. Но я не остался без своих искушений, которые вернулись снова; я сказал искушений: и от Сатаны, и моего собственного сердца, и плотских знакомых. Но я благодарю Бога, их перевешивало то здоровое осознание смерти и дня суда, которое пребывало, так сказать, постоянно перед моим взором. Я часто думал также о Навуходносоре, о котором сказано: «Он дал ему все царства земные» (Дан. 5:18,19). Ещё думал я, если этот великий человек имел весь свой удел в этом мире, один час в адском огне заставил его забыть всё. Эти размышления были мне великой помощью.

71. Примерно в это время мне было также дано увидеть кое-что касательно животных, которых Моисей считал чистыми и нечистыми: я подумал, что те животные являлись образами людей; чистые — образ тех, кто были людьми Божиими; но нечистые — образы таких, как дети лукавого. Тогда я читал, что чистые животные жевали жвачку, то есть, думал я, они показывают нам, что мы должны питаться словом Божиим; у них также разделены копыта. Я подумал, это означает, что мы должны отделиться, если мы были спасены, от путей нечестивых людей. И также, при дальнейшем чтении я нашёл, что хотя мы жуём жвачку как заяц, но если ходим на лапах, подобно собаке, или если у нас копыта разделены как у свиньи, но мы не жуём жвачку как овца, мы всё ещё, не смотря на это, являемся только нечистыми; ибо, я подумал, что заяц является образом тех, которые говорят о Слове, однако ходят на путях греха; а свинья подобна тому, кто отделился от своего наружного загрязнения, но всё ещё не имеет Слова веры, без которого не может быть никакого пути спасения. Пусть у человека никогда не будет такой набожности (Втор. 14). После этого я обнаружил, читая Слово, что те, которые должны прославиться со Христом в другом мире, должны быть призваны Им здесь; призваны к участию в Его слове и праведности, и к утешению и первым плодам Святого Духа, и к личной доле во всех тех небесных вещах, которые действительно приготавливают душу к тому Покою и Дому славы, который на Небесах свыше.

72. Тут я снова оказался перед великим препятствием, не зная, что делать, боясь, что я не был призван; ибо, думал я, если я не был призван, чего хорошего мне ждать? Никто, кроме тех, которые действительно призваны, не наследует Царствие небесное. О, как я полюбил те слова, говорившие о Христианском призвании! Как однажды Господь сказал одному: «Следуй за мною», и другому: «Иди за мной»; о, думал я, вот бы Он сказал так и мне тоже, как радостно я бы побежал за Ним!

73. Я не смогу теперь выразить, с какой жаждой и с какими воздыханиями в душе я умолял Христа призвать меня. Так я продолжал какое-то время в пылу желанья быть обращённым к Иисусу Христу; и понял также в те дни, какая слава сопутствует обращённому состоянию, так что я не мог получить успокоения без участия в этом. Золото! Можно ли это достать за золото? Что бы я

отдал за это? Имей я весь мир, – в десять тысяч раз дороже то, чтобы моя душа могла быть в обращённом состоянии.

74. Каким милым был теперь в моих глазах каждый, кто, как я думал, был обращённым мужчиной или женщиной. Они сияли, они ходили подобно людям, носящим на себе зримую печать Небес. О! Я видел, что межи их прошли по прекрасным местам, и они имели приятное наследие (Пс. 15). Но то, что заставляло меня страдать, сказано о Христе в книге Святого Марка: «Взошёл на гору и позвал к себе, кого Сам хотел, и пришли к Нему» (Мк. 3:13).

75. Это писание заставляло меня терять мужество и бояться, а также воспламеняло огонь в моей душе. Вот что заставляло меня бояться: что если Христос не имеет никакого расположения ко мне, ибо Он призывает, кого хочет. Но слава, которую я видел в том состоянии по-прежнему так занимала моё сердце, что редко я мог читать о любом, призванном Христом, без того, чтобы при этом не желать: был бы я на их месте, был бы я рождён Петром, был бы я рождён Иоанном, или был бы рядом и слышал Его, когда Он призывал их. Как бы я закричал: «О Господи, призови также и меня». Но увы, я боялся, что Он не позвал бы меня.

76. И истинно, Господь попустил мне ходить таким образом много месяцев подряд и ничего мне не показывал, – ни что я уже был, ни что я должен быть призван в последствии. Но наконец, по прошествии долгого времени и после многих стенаний к Богу, чтобы я сделался участником святого и небесного звания, ко мне пришло следующее слово: «Я смою кровь их, которую не смыл еще, и Господь будет обитать на Сионе» (Иоил. 3:21). Эти слова, подумал я, были посланы, чтобы воодушевить меня по-прежнему ожидать от Бога, и означали для меня, что если я не был уже обращён, ещё может прийти время, когда я бы мог стать поистине обращённым ко Христу.

77. Примерно в это время я начал открывать свои мысли тем бедным людям в Бедфорде и рассказывать им о своём состоянии, о чём услышав, они рассказали обо мне мистеру Гиффорду, который сам также предпринял попытку поговорить со мной, и желал быть уверенным во мне, хотя, думаю, без веских оснований. Но он пригласил меня в свой дом, где я услышал, как он беседовал с другими о работе Божией над их душами, отчего я почувствовал ещё

большее осуждение, и с этого времени начал замечать некое тщеславие и внутреннюю негодность моего злого сердца; ибо и до сих пор я не ведал там никакого возвышенного содержимого, но теперь это начало открываться мне с такой быстротой, как никогда раньше. Теперь я явно обнаружил, что похоти и нечистота выходили из меня сами, в нечестивых мыслях и желаниях, которые я не замечал раньше; к тому же моё стремление к Небесам и Жизни начало ослабевать. Я нашёл также, что не смотря на то, что перед тем моя душа была полна сильного желания Бога, теперь она начала жаждаť всякой пустой суеты. Более того, моё сердце не было побуждаемо к добрым намерениям; оно делалось беспечным и относительно души, и касательно Небес; оно теперь постоянно колебалось, и так во всякой обязанности, и было как деревянный башмак на ноге птицы, мешало мне взлететь.

78. Более того, думалось, я становлюсь теперь всё хуже и хуже; теперь я дальше от обращения, чем когда-либо раньше. По этой причине я начал сильно унывать в душе и начал испытывать такой упадок духа, который низводил меня до ада. Если бы тогда мне предстояло сгореть у столба, я бы не смог поверить, что Христос имел любовь ко мне. Увы, я не мог ни слышать Его, ни видеть Его, ни чувствовать Его, ни ощущать на вкус что-либо Его. Я был как бы унесённым бурей; моё сердце было нечистым, и Хананеи обитали на земле.

79. Иногда я рассказывал о своём состоянии людям Божиим, и когда они слышали, то жалели меня и рассказывали мне об обетованиях; но скажи они мне также, что я должен достать солнце своим пальцем, как они просили меня принять или довериться обетованиям, - я бы сделал это одинаково скоро. Весь мой разум и чувства были против меня, и я видел, что имел сердце, которое грешило и лежало под законом, который осуждал.

80. Эти вещи часто заставляют меня думать о ребёнке, которого отец привёл ко Христу, кто, пока ещё шёл к Нему, был повергнут бесом и был так раздираем и разрываем им, что лежал и катался с пеной у рта (Лук. 9:42; Мк. 9:20).

81. Далее, в те дни я находил своё сердце затворенным пред Господом и Его святым словом. Я находил, что моё неверие подпёрло, так сказать, дверь плечом, чтобы держать Его вне; причём

в то время, когда я со многими горькими вздохами кричал: «Благий Господь, открой его. Господи, сломай эти врата медные и сломи эти веревки железные» (Пс. 106:16). Однако следующие слова иногда создавали в моём сердце мирное затишье: «Я препоясал тебя, хотя ты не знал меня» (Ис. 45:5).

82. Но всё это время, что касается совершения грехов, я никогда не был более чувствительным, чем тогда: задние части моего тела находились внутри. Я не осмеливался взять гвоздь или палку, хотя бы маленькую, как соломина, ибо совесть моя теперь была болезненной и испытывала боль от каждого прикосновения. В то время я не знал, как говорить, ибо боялся, что перепутаю свои слова. О, как осторожно я тогда ходил, во всём, что я делал или говорил! Я ощущал себя как бы в топком болоте, которое взволнуется, если я только пошевелюсь, и был, когда там находился, оставлен и Богом, и Христом, и Духом, и всяким добром.

83. Но я заметил, хотя я и был до обращения таким великим грешником, всё же Бог никогда не возлагал на меня много вины за грехи моего неведения; Он только показывал мне, что я был потерян, если не имел Христа, потому что я был грешником. Я видел, что у меня не было совершенной праведности, чтобы мне предстать непорочным пред Богом; и эту праведность нигде было найти, кроме как в личности Иисуса Христа.

84. Но моё первородное внутреннее осквернение, которое было моим бичом и страданием, которое я видел в ужасающих размерах, всегда само выступавшее из меня, из-за которого я имел чувство вины, к удивлению, являлось причиной того, что я был в своих собственных глазах отвратительнее жабы. И я думал, что таковым я был и в Божьих глазах. Грех и нечистота, как я сказал, так естественно били ключом из моего сердца, как вода из источника. Я думал тогда, что у каждого сердца было лучше, чем моё; я мог бы поменяться сердцем с любым. Я думал, что никто, кроме самого дьявола, не мог бы сравниться со мной внутренней порочностью и испорченностью ума. Поэтому, при виде своей собственной низости, я впал в глубокое отчаяние, ибо я сделал вывод, что состояние, в котором я находился, не могло соответствовать состоянию благодати. Конечно, я думал, я предан дьяволу и превратному уму. И это продолжалось длительное время, даже в течение нескольких лет подряд.

85. В то время, когда я страдал от страха своего осуждения, две вещи заставляли меня удивляться. Первая, – когда я видел старых людей охотящимися за вещами этой жизни, будто они должны были жить здесь всегда. Другая, – когда я обнаруживал верующих сильно страдающими и унывающими, когда они встречались с внешними утратами, как то мужа, жены, ребёнка и т. д. «Господи, - думал я, - сколько хлопот здесь из-за таких незначительных вещей, как эти! Какое стремление к плотским вещам в некоторых, и какое горе в других из-за утраты их! Если они так много трудятся для этого и проливают так много слёз из-за вещей временной жизни, как тогда я должен оплакивать, жалеть и молиться! Ведь моя душа умирает, моя душа осуждается». Будь моя душа в лучшем состоянии, и будь я уверен в этом, ах, каким богатым я счёл бы себя, даже если был бы благословлён только хлебом и водой! Это я считал лишь маленькими печалью и переносил их как лёгкие бремена. Кто может сносить израненный дух!

86. И хотя я был сильно встревожен, и метался, и страдал от вида, и ощущения, и ужаса моей собственной греховности, всё же я боялся полностью выбросить из головы этот вид и ощущение; ибо, если чувство вины из совести не убирается правильным способом, то есть кровью Христа, человеку становится скорее хуже из-за утраты тревоги его разумом, нежели лучше. Поэтому, если чувство вины крепко лежало на мне, тогда я вопиял, чтобы кровь Христа могла убрать его, а если оно исчезало без неё (ибо сознание греха иногда как бы умирало и полностью уходило), тогда я старался вызвать его в своём сердце снова навлечением наказания греха в адском огне на мой дух и вопил: «Господи, не позволяй ему уйти из моего сердца кроме, как правильным путём, через кровь Христа, и прикладыванием Твоей милости к моей душе чрез Него». Ибо я не мог забыть это писание: «без пролития крови не бывает прощения» (Евр. 9:22). А что заставляло меня ещё больше бояться этого, было то, что я видел некоторых, которые, хотя и молились и плакали, когда были под укорами совести, однако, ища скорее облегчения их тревоги в настоящее время, чем помилования для их грехов, не заботились, как они избавляются от чувства вины. И так они выбрасывали это из своей головы; тогда как избавление от него неправильным способом не освящало их, но они становились более жёсткими и ослеплёнными, и более порочными, не смотря на их тревогу. Это

заставляло меня бояться и заставляло вопиять к Богу ещё больше, чтобы со мной не случилось подобного.

87. И в то время я сожалел, что Бог сотворил меня человеком, ибо я боялся, что был нечестивцем. Я считал человека, если только он не обращён, самым несчастным из всех тварей. Таким образом страдая и метаясь в своём печальном состоянии, я считал себя особенно и более большинства людей лишённым благословения.

88. Более того, я думал, невозможно, чтобы у меня когда-либо стало так много добродетели в сердце, чтобы благодарить Бога за то, что Он сотворил меня человеком. Человек, действительно, – высшее творение среди всех тварей видимого мира, но из-за греха он сделал себя самым низким. Звери, птицы, рыбы и проч.; я благословлял их состояние, ибо они не имеют грешной природы; они не противны во взоре Божьем; они не должны идти в адский огонь после смерти. Я поэтому мог бы радоваться, будь моё состояние подобным их.

89. В таком состоянии я ходил долгое время, но когда подошло время утешения, я услышал, как некто говорил проповедь на эти слова из Песни Песней (Пес. 4:1): «О, ты прекрасна, любовь Моя, ты прекрасна!» Но на этот раз он эти два слова - «любовь Моя» сделал своей основной темой, из которых, после того, как немного приоткрыл текст, он вывел несколько умозаключений: 1. Что церковь, и также каждая спасённая душа, является любовью Христовой, когда нелюбима. 2. Любовь Христова без причины. 3. Любовь Христова Христова, когда ненавидима миром. 4. Любовь Христова, когда под испытанием и оставлена. 5. Любовь Христова от начала и до конца.

90. Но поначалу я ничего не понял из того, что он сказал; только когда он подошёл к изложению четвёртой особенности, вот что он сказал: «Если это так, что спасённая душа является любовью Христовой, находящейся под испытанием и оставленной, тогда, бедная претерпевающая душа, когда на тебя напали и ты страдаешь под испытанием и от того, что лицо Божие сокрыто, всё же подумай об этих двух словах – «любовь Моя».

91. Итак, когда я шёл домой, эти слова снова стали занимать мои мысли, и я хорошо помню, когда они пришли, я сказал в сердце так: «Чего я достигну, думая об этих двух словах?» И только эта мысль промелькнула в моём сердце, как следующие слова начали

разгораться в моём духе: «Ты — Моя любовь, ты — Мой голубок», двадцать раз подряд. И ещё, когда они пробежали в моём разуме, они становились увереннее и теплее, и побуждали меня смотреть вверх, но пока я находился между надеждой и страхом, и всё ещё отвечал в сердце: «А это — правда? А это — правда?» При этом меня коснулось следующее изречение: «Он не знал, что делаемое Ангелом было действительно» (Деян. 12:9).

92. Тогда я позволил этому слову снова и снова с силой создавать этот радостный звук в моей душе: «Ты — Моя любовь, ты — Моя любовь, и ничто не отделит тебя от Моей любви». И от этого моё сердце наполнилось утешением и надеждой, и тогда я смог поверить, что мои грехи будут мне прощены. Более того, любовь и милость Божии тогда так охватили меня, что помнится, я не знал, как себя держать в руках, пока попаду домой. Я подумал, что смог бы сказать о Его любви и рассказать о Его милости ко мне даже тем коровам, стоявшим на перепаханной земле передо мной, будь они способны понять меня. Поэтому я сказал в душе с великой радостью: «Да, хотел бы я иметь ручку и чернила, я бы записал это здесь прежде, чем пойду дальше, ибо я, конечно, не забуду этого и через сорок лет». Но увы, меньше, чем через сорок дней я снова начал во всём сомневаться, что заставило меня начать по-прежнему сомневаться во всём.

93. Всё же временами я получал помощь, чтобы верить, что это было истинным проявлением благодати к моей душе, хотя я и потерял не мало жизни и интереса к ней. Через неделю или две после этого я был сильно преследуем одним писанием: «Симон! Симон! вот, сатана просил, чтобы сеять вас» (Лук. 22:31). И иногда оно звучало во мне так громко, более того, как бы звало меня сзади так сильно, а однажды пуще обычного, что я повернул через плечо свою голову, воистину думая, что кто-то позади меня звал меня, будучи на большом расстоянии; мне казалось, он звал меня так громко. Оно пришло, как я подумал впоследствии, для того, чтобы побудить меня к молитве и бдительности. Оно пришло, чтобы известить меня, что туча и буря находили на меня, но я этого не понял.

94. Также, насколько я помню, тот раз, когда оно воззвало ко мне так громко, был последним, когда оно звучало в моих ушах, но мне кажется, я всё ещё слышу, каким громким голосом эти слова,

«Симон, Симон» звучали в моих ушах. Я воистину подумал, как я вам сказал, что кто-то звал сзади меня, находясь в полумиле позади меня; и хотя это было не моё имя, всё же оно заставило меня вдруг обернуться, веря, что тот, кто звал так громко, имел в виду меня.

95. Но я был таким глупым и невежественным, что не знал причины этого звука (который, как я вскоре и увидел, и почувствовал, был послан с Небес как сигнал тревоги, чтобы пробудить меня приготовиться к надвигающемуся); но я только размышлял и задавался в уме вопросом, раздумывая, какая могла быть причина этого писания, и почему, в таком случае, так много раз и так громко оно всё ещё звучало и грохотало в моих ушах. Но, как я уже сказал, вскоре я постиг Божью цель этого.

96. Ибо примерно через месяц на меня нашла великая буря, которая обошла со мной в двадцать раз хуже того, с чем я встречался раньше. Она нашла украдкой, сначала одним краем, потом другим. Сначала у меня было отнято всё моё утешение, затем тьма объяла меня, после чего целые потоки богохульства против Бога, Христа и Писания были излиты на мой дух к моему великому смущению и изумлению. Эти богохульные мысли были таковы, что возбуждали во мне вопросы против самого существования Бога и Его Единородного Сына, такие как: «Существует ли воистину Бог или Христос? И не были ли Святые Писания скорее басней или небылицей, чем святым и чистым словом Божьим?»

97. Искуситель много нападал на меня также посредством следующего: «Откуда ты можешь знать, что у турок нет таких же хороших писаний, доказывающих, что их Магомет — спаситель, как у нас, доказывающих, что им является наш Иисус?» И мог ли я думать, что эти десятки тысяч в таком множестве стран и царств остаются без знания правильного пути на Небеса (если Небеса существуют на самом деле), и что только мы, живущие в одном уголке земли, одни, должно быть, благословлены этим? Каждый думает, что его религия — самая правильная, и Иудеи, и мавры, и язычники. А что, если вся наша вера, и Христос, и Писания тоже только общественное мнение?

98. Иногда я пытался спорить с этими внушениями и приводить некоторые из изречений благословенного Павла против них. Но увы, я тут же чувствовал, когда я так делал, как такие возражения снова

обращались против меня: «Хотя мы сделали из Павла такую величину, и из его слов, всё же откуда мне знать, что на самом деле он не был хитрым и коварным человеком, возможно, предавшим себя на то, чтобы обманывать сильными заблуждениями, а также принял страдания и путешествие, чтобы погубить и уничтожить своих собратьев».

99. Эти внушения (со многими другими, которые на этот раз я не могу и не осмеливаюсь озвучить ни вслух, ни пером) так захватили мой дух и так обременили моё сердце и их количеством, и их продолжительностью, и опаляющим действием, что я чувствовал, как будто во мне ничего больше не существовало, кроме них, с утра до ночи, и также решил, что Бог в своей ярости к моей душе предал меня им, чтобы я был унесён ими, как могучим вихрем.

100. Только по отвращению, которое они вызывали в моём духе, я чувствовал, что во мне есть нечто, отказывающееся принимать их. Но такое соображение появлялось у меня тогда только, когда Бог давал мне позволение проглотить мою слюну, иначе гул, и сила, и действие этих искушений топили, переполняли и, так сказать, хоронили все такие мысли или воспоминание чего-либо подобного. Пока я был в этом искушении, я часто находил свой ум настроенным на то, чтобы кощунствовать и сквернословить, или говорить оскорбительные вещи против Бога, или Христа, Его Сына, и Писаний.

101. Тогда мне думалось, что я, конечно, одержим бесом. В иные мгновения я думал, с другой стороны, что лишился разума, ибо вместо восхваления и возвеличивания Господа Бога с другими, если я только слышал, как о Нём говорили, тут же какая-нибудь самая ужасная богохульная мысль или другая вырывалась из моего сердца против Него. Так что, думал ли я, что Бог существует, или, напротив, думал, что ничего такого нет, никакой любви, ни мира, ни доброго расположения в себе я не мог чувствовать.

102. Эти явления погрузили меня в очень глубокое отчаяние, потому что я решил, что такие явления не могут быть обнаружены среди тех, кто любит Бога. Часто, когда эти искушения с силой обрушивались на меня, я сравнивал себя с положением ребёнка, которого насильно забирает в свои руки цыганка и удерживает вдаль от близких на чужбине. Иногда я взбрыкивал, а также кричал и вопил, но всё равно я был привязан к крыльям искушения, и ветер уносил меня прочь. Я

думал также о Сауле и о злом духе, обладавшем им, и сильно боялся, что моё состояние было таким же, как и его. (1 Цар. 16).

103. В те дни, когда я слышал, как другие разговаривали о том, что являлось грехом против Святого Духа, тогда искушитель возбуждал во мне такое желание согрешить этим грехом, что я словно не мог, не должен был успокоиться, пока не совершу его; как будто никакой грех кроме этого не удовлетворит. Если ему надлежало бы совершиться произнесением такого слова, тогда я чувствовал, как будто мои уста произнесли это слово, произнёс ли я или нет. И в такой сильной степени было на мне это искушение, что часто я был готов прихлопнуть рукой свой подбородок, чтобы не дать раскрыться рту; и с той же целью иной раз я намеревался прыгнуть вниз головой в какую-нибудь навозную яму или подобное, чтобы мои уста не смогли заговорить.

104. В то время я снова рассматривал положение собаки или жабы и считал состояние каждой вещи, которую сотворил Бог, намного лучшим, чем это моё ужасное состояние и таковое моих товарищей. Более того, с радостью я бы оказался в положении собаки или лошади, ибо я знал, что они не имеют души, чтобы погибнуть под вечной тяжестью ада или греха, как мой, который, похоже, приведёт к этому. Мало того, хотя я видел это, чувствовал это и был разбит этим на куски, вот ещё что добавляло мне печали: я не находил, чтобы я всей душой желал освобождения. Следующее писание также разрывало и раздирало мою душу посреди этих безумий: «А нечестивые – как море взволнованное, которое не может успокоиться и которого воды выбрасывают ил и грязь. Нет мира нечестивым, говорит Бог мой» (Ис.57:20,21).

105. И в то время моё сердце было временами чрезвычайно твёрдым. Я бы отдал тысячу фунтов за одну слезу; я не мог пролить ни одной, и не испытывал, даже изредка, желания пролить её. Я был сильно удручён, думая, что такова моя участь. Я видел, что некоторые могли рыдать и оплакивать свой грех; а другие, с другой стороны, могли радоваться и благословлять Бога за Христа; а другие, с другой стороны, могли спокойно говорить о слове Божьем и с радостью вспоминать о нём, в то время, как я был только в шторме или буре. Вот что сильно подавляло меня: я думал, моё состояние было

исключительным, поэтому я очень скорбел о своём тяжёлом случае, но выбраться или избавиться от этих вещей я не мог.

106. Пока длилось искушение (что было около года), я не мог внимать никаким заповедям Божиим кроме, как с болезненностью и великим огорчением. Тогда больше всего страдания мне причиняли богохульства. Если я слышал Слово, тогда нечистота, богохульства и отчаяние держали меня там в плену. Если я читал, тогда порой я имел неожиданные мысли, подвергающие сомнению всё, что я читал. С другой стороны, иногда мой разум так отвлекался и был занят другими вещами, что я не знал, не внимал, не помнил даже предложение, которое только что прочитал.

107. В молитве я в то время испытывал также большие затруднения. Иногда я думал, что вижу дьявола, даже думал, что я чувствовал его сзади себя, тянущим меня за одежду. Он также был постоянно во мне во время молитвы, чтобы действовать, обрывать, вызывать спешку: «Ты молился достаточно, и больше не задерживайся», ещё отвлекая мой разум. Иногда он также подбрасывал такие нечестивые мысли, как те, что я должен молиться ему или за него. Иногда я думал вот о чём: «Пади», или «если павши поклонись мне» (Мф. 4:9).

108. Поэтому, когда мои мысли блуждали во время исполнения этой обязанности, я старался успокаивать свой ум и направлять его на Бога. Тогда с великим усилием искуситель пытался отвлечь меня и путать меня, и увести мои мысли, являя моему сердцу и воображению очертания куста, быка, метлы или подобного, как если бы я молился на них. К ним он также (а иногда особенно) так приковывал мой разум, как будто я не мог думать ни о чём другом, или молиться ни на что другое, а только на них, или на подобное.

109. Всё же временами у меня бывало ясное и волнующее ощущение Бога и истинности Его Евангелия. О! Как в такие моменты моё сердце вырывалось в невыразимых вздохах. Вся моя душа была в каждом слове; я вопиал к Богу в угрызениях совести, чтобы Он был милостив ко мне; но затем я снова был смущаем такими мыслями, как эти: я думал, что Бог посмеивается над этими моими молитвами, говоря (и это в присутствии святых Ангелов): «Этот простой бедолага ищет Меня, как будто Мне больше нечего делать, как только дарить Мою милость таким, как он. Увы, бедная душа! как ты обманута! Не для таких, как ты – иметь благосклонность Вышних».

110. Затем искушитель набросился на меня также и с такими нападками: «Ты слишком распалился ради милости, но я остужу тебя; это настроение не будет длиться всегда. Многие были такими же пылкими ради духа, но я угасил их рвение (и тут перед моими глазами был представлен такой-то, ставший отпадшим)». Тогда я испугался, что и я так сделаю. Но, думалось мне, я рад, что это пришло мне на ум. Хорошо, буду наблюдать и буду осторожен, насколько смогу. «Хотя ты и будешь так делать, – сказал Сатана, – я тоже буду упорным и стану охлаждать тебя незаметно, постепенно, мало-помалу. Какая мне забота, – сказал он, – хотя бы мне пришлось охлаждать твоё сердце семь лет, если я смогу это сделать в конце концов? Постоянное укачивание убаюкает плачущее дитя. Я займусь этим плотно, но я достигну своей цели. Хотя ты теперь горишь, я вытащу тебя из этого огня; не так долго, и ты у меня станешь холодным».

111. Эти явления поставили меня в тесное положение, поскольку я и в настоящее время не находил себя готовым к смерти, я подумал так: прожив долго, я сделаюсь ещё более неготовым, ибо время заставит меня забыть всё и сотрёт даже воспоминание о вреде греха, ценности Небес и нужде, которую я имел в омытии кровью Христа, и из моей памяти, и из моих мыслей. Но я благодарю Христа Иисуса, эти явления не заставили меня в то время ослабить мой вопль, но скорее больше настроили меня на это (подобно той, которая встретила с насильником; Втор. 22:26). И тогда я стал надеяться, что долгая жизнь не разрушит меня, не заставит меня упустить Небеса.

112. Я получил ещё некоторую поддержку в этом искушении, хотя она тогда подвергалась мной сомнению. Место в третьей главе Иеремии, в начале, было важно для меня, и особенно рассмотрение пятого стиха этой главы, что хотя мы сказали и сделали такие злые вещи, какие только смогли, всё же мы должны взывать к Богу: «Отец мой! Ты был путеводителем юности моей», и должны вернуться к Нему.

113. Однажды я также получил нежный ответ от 2 Кор. 5:21: «Ибо не знавшего греха Он сделал для нас грехом, чтобы мы в Нем сделали праведными пред Богом». Я помню, как в один из дней, когда я сидел в соседском доме и очень печалился, размышляя о многих своих богохульствах, и когда я говорил в себе: «Какие у меня

есть основания говорить что тот, кто был таким отвратительным и мерзким, когда-нибудь наследует вечную жизнь?» Внезапно ко мне пришло следующее слово: «Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас?» (Рим. 8:31). Помощью также было мне вот что: «Ибо я живу, и вы будете жить» (Инн. 14:19). Но эти слова были только намёками, прикосновениями и краткими визитами, хотя и приятными в тот момент; только они не задерживались, но как простыня Петра, внезапно возносились от меня снова на Небеса (Деян. 10:16).

114. Но впоследствии Господь более полно и милостиво открыл Себя мне, и действительно полностью не только освободил меня от чувства вины, вызванного этими явлениями, но также и от самой этой грязи, ибо искушение было удалено, и мне был возвращён мой здоровый ум, как у других Христиан.

115. Помню, что в один день, когда я ходил в деревню и размышлял об испорченности и богохульстве своего сердца и рассуждал о враждебности, которая была во мне к Богу, на ум мне пришло следующее писание: «Умиrotворив кровию креста Его» (Кол. 1:20), посредством которого мне было дано видеть снова и снова, что Бог и моя душа были друзьями посредством Его крови. Более того, я увидел, что Божья справедливость и моя грешная душа могли обняться и облобызать друг друга через Его кровь. Это был добрый день для меня; надеюсь, я никогда не забуду его.

116. В другой раз, когда я сидел у камина в своём доме и размышлял о своей негодности, Господь сделал для меня также драгоценными следующие слова: «А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола, и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству» (Евр. 2:14,15). Я вспоминаю, что слава этих слов опустилась на меня так весомо, что я раз или два был готов упасть в обморок, где сидел, но уже не от горя и тревоги, а от сплошной радости и мира.

117. В то время я также слушал проповеди преподобного мистера Гиффорда, чьё учение Божией милостью много содействовало моей устойчивости. Этот человек поставил своей задачей освобождать людей Божиих от всех тех ложных и нездоровых испытаний, которым мы подвержены по природе. Он просил нас предпринимать

особые предосторожности, чтобы мы не принимали на веру никаких истин от одного, другого или третьего человека, или людей, но усиленно вопияли к Богу, чтобы Он удостоверял нас в истинности этого и утверждал в этом Своим собственным Духом во святом Слове. «Ибо, – говорил он, - если вы будете делать иначе, когда придут искушения, если вы не приняли их накрепко с подтверждением с Небес, вы обнаружите, что тогда лишены той помощи и силы противостоять, которую однажды вы думали, что имеете».

118. Это было своевременным для моей души, как ранний и поздний дождь в свой сезон (ибо я обнаружил, и это через печальный опыт, истинность этих слов его, ибо я чувствовал, что никакой человек не может сказать, особенно когда он искушается дьяволом, что Иисус Христос есть Господь, кроме, как Духом Святым). Поэтому я нашёл, что моя душа, через благодать, очень подвержена жадно впитывать это учение и склоняется молиться Богу, чтобы ни в чём, что имеет отношение к Божией славе и к моему собственному вечному благополучию, Он не позволял мне оставаться без подтверждения этого с Небес; ибо тогда я увидел ясно, что есть чрезвычайная разница между представлениями плоти и крови и откровениями от Бога небесного; также великая разница между той верой, которая притворна и соответствует человеческой мудрости, и той, которая приходит через рождение человека к тому от Бога (Мф. 16:15-17; 1 Инн. 5:1).

119. О! как моя душа была теперь ведома Богом от истины к истине! Даже от рождения и колыбели Сына Божьего до Его воцарения и второго пришествия с Небес судить мир!

120. Воистину, я тогда обнаружил на этот счёт, что великий Бог был благ ко мне, ибо, как мне помнится, не было ничего, о чём я тогда вопиял к Богу сделать известным и открыть мне, кроме того, что Он благоволил сделать для меня; я имею в виду не одну часть Евангелия Господа Иисуса, но я был последовательно введён в него. Мне казалось, я увидел с великой очевидностью из откровения четырёх евангелистов чудесную работу Божью в отдании Иисуса Христа для нашего спасения, от Его зачатия и рождения даже до второго пришествия для суда. Мне казалось, я словно увидел Его рождение, словно видел, как Он растёт, я словно видел Его проходящим через

этот мир от колыбели до креста, к которому также, когда Он пришёл, я увидел, как кротко Он позволил Себя привязать и пригвоздить за мои грехи и злые деяния. Также когда я размышлял об этом Его странствии, в душу мне запало, что Он был предназначен к пролитию крови (1 Пет. 1:12, 20).

121. Когда я также рассмотрел истину Его воскресения и вспомнил те слова: «Не прикасайся ко Мне, Мария» и т. д., я как бы увидел, как Он выпрыгнул из пасти могилы от радости, что Он восстал снова и получил победу над нашими отвратительными противниками (Инн. 20:17). Я также в духе увидел Его как человека по правую руку Бога Отца, за меня, и увидел как Он со славой сойдёт с Небес судить мир, и был утверждён в этих вещах следующими писаниями: Деян. 1:9,10 и 7:56, и 10:42; Евр. 7:24 и 9:28; Отк. 1:18; 1 Фес. 4:17,18.

Однажды я оказался в затруднении, не зная, был ли Господь Иисус человеком настолько же, насколько Богом, и Богом – насколько и человеком. И, воистину, в те дни пусть люди говорили бы, что хотели, если я не имел для этого доказательства с Небес, – это всё было ничто для меня, я не считал себя наставленным в любой истине Божией. Итак, я был в большом затруднении относительно этого вопроса и не мог его разрешить; наконец, мне на ум пришло место из Отк. 5:6: «И я взглянул, и вот, среди престола и четырех животных и среди старцев стоял Агнец как бы закланный». Среди престола, подумал я, находится Божество; среди старцев находится Его человеческая природа. О! Мне показалось, это засверкало! Это было благое прикосновение, давшее мне полное удовлетворение. В этом много помогло мне также другое писание: «Ибо младенец родился нам - Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира» (Ис. 9:6).

122. Также кроме этих Божиих поучений в Его слове, Господь использовал две вещи, чтобы утвердить меня в этой истине; одной были ошибки Квакеров, а другой – вина греха. Поскольку Квакеры противостояли этой истине, так Бог более утвердил меня в ней, введя меня в Писание, которое чудесно поддержало её.

123. Ошибки, которые эти люди тогда поддерживали, были следующие: 1. Что святое Писание не является словом Божиим. 2. Что каждый человек в мире имеет Дух Христов, благодать, веру и т.д.

3. Что Христос Иисус, будучи распят и умирая шестнадцать столетий тому назад, не удовлетворил Божественную справедливость за грехи людей. 4. Что Христовы плоть и кровь находятся внутри святых. 5. Что тела добрых и злых, похороненные на церковном дворе, не восстанут снова. 6. Что прошло уже воскресение добрых людей. 7. Что Тот Человек Иисус, распятый между двух воров на горе Голгофе в земле Ханаанской под Иерусалимом, не взошёл превыше звёздного неба. 8. Что Он, именно Тот Самый Иисус, умерший от рук иудеев, не придёт в последний день, как человек, судить все народы и т. д.

124. Многие более отвратительные и противные вещи, которые распространялись ими в те дни, заставили меня более тщательно исследовать Писание, и через его свет и свидетельство я был не только просвещён, но весьма утверждён и успокоен в истине. И, как я сказал, вина греха много помогла мне, ибо по-прежнему, когда бы она ни находила на меня, кровь Христа снимала её снова, и снова, и снова; и к тому же нежно, в соответствии с Писанием. О друзья! Умоляйте Бога открыть вам Иисуса Христа; никто не учит, как Он.

125. На этом пришлось бы задержаться надолго, рассказывая вам в частности, как Бог наставлял меня на всякую истину Христову, и как Он вводил меня в Своё слово, а Он мог так сделать; более того, также как Он открыл его мне и сделал, чтобы оно сияло передо мной, и послал его обитать со мной, говорить со мной и утешать меня снова и снова и Своим бытием, и бытием Своего Сына, и Духом, и Словом, и Евангелием.

126. Но это, как я сказал раньше, скажу вам снова, что в целом Ему было угодно таким образом поступить со мной; во-первых, позволить мне страдать от искушений касательно его и затем открыть его мне. Когда иногда я лежал под великой виной из-за греха, даже придавленным им к земле, и тогда Господь показывал мне смерть Христа, более того, так окроплял мою совесть Его кровью, что я обнаруживал (и это прежде, чем я осознал), что в той совести, где только что правил и свирепствовал закон, именно там водворялся и покоился мир и любовь Божья через Христа.

127. Теперь я имел доказательство, как я думал, моего спасения, с Небес, со многими золотыми печатями, висящими перед моим взором. В то время я мог бы вспомнить с утешением одно проявление

благодати, другое её раскрытие, и часто жаждал и желал, чтобы пришёл последний день, чтобы я мог навечно воспламениться от вида, и радости, и общения с Тем, Чья голова была увенчана тёрнами, Чьё лицо было оплётано, а тело разломано, и душа сделала приношение за мои грехи. Ибо не смотря на то, что перед этим я лежал, постоянно содрогаясь, в пасти ада, теперь мне казалось, что я убрался так далеко оттуда, что озираясь назад, едва мог различить его! О! подумал я, был бы я теперь восьмидесятилетним, чтобы мог умереть быстро, чтобы моя душа могла бы уйти на покой.

128. Но до того, как я убрался так далеко от этих моих искушений, я страстно желал увидеть труд какого-нибудь древнего благочестивого человека, кто писал за несколько сотен лет до моего рождения, ибо я думал, что те, которые писали в наши дни (но теперь я хочу, чтобы они простили меня), что они писали только то, что другие прочувствовали; или иные пытались силой своего ума и способностей ответить на возражения, которыми, как они поняли, другие были поставлены в тупик, но сами не проникли в глубину. После многих таких страстных желаний в моём разуме Бог, в Чьих руках все наши дни и пути, подбросил в мои руки (в один день) книгу Мартина Лютера; это были его Комментарии на Послание Галатам; к тому же она была такой старой, что была готова развалиться на кусочки, как только я её раскрывал. Я был тогда очень доволен, что в мои руки попала такая старинная книга, в которой, как только я немного вчитался, я нашёл, что моё состояние так подробно и основательно растолковывалось, как будто его книга была написана из моего сердца. Это заставило меня изумиться, ибо я думал так: этот человек не мог знать что-либо о теперешнем состоянии Христиан, но должен был непременно писать и говорить из опыта прежних дней.

129. Кроме того, в этой книге он очень основательно обсуждает происхождение этих искушений, а именно, богохульства, отчаяния и подобного, показывая, что закон Моисеев, наравне с дьяволом, смертью и адом, принимает в них значительное участие, что поначалу показалось мне очень странным, но рассуждая и наблюдая, я обнаружил, что так и есть на самом деле. Не подразумевая здесь ничего в частности, только вот что, мне кажется, я должен высказаться перед всеми, что я действительно предпочитаю эту книгу Мартина Лютера по Посланию Галатам, исключая Святую

Библию, всем книгам, которые я когда-либо видел, как наиболее подходящую для уязвлённой совести.

130. В то время я находил, как я думал, что я нежно люблю Христа. О! Мне казалось, что моя душа прилепилась к Нему, мои привязанности прилепились к Нему; я чувствовал к Нему любовь горячую, как огонь, и тогда я думал, что «в гнезде моём скончаюсь» (как сказал Иов). Но я быстро обнаружил, что моя великая любовь была довольно маленькой, и что я, имевший, как я думал, такую горящую любовь к Иисусу Христу, мог Его выпустить из головы из-за пустяка. Бог знает, как унижить нас, и может содрать с человека гордость. Вскоре после этого моя любовь была, кстати, испытана.

131. Ибо после того, как Господь в такой манере, так милостиво избавил меня от этого великого и болезненного искушения, и так ласково наставил меня в вере Его святого Евангелия, и дал мне такое глубокое утешение и благословенное удостоверение с Небес касательно моего участия в Его любви через Христа, искушитель набросился на меня снова, и теперь с более мучительным и страшным искушением, чем раньше.

132. И это было: продать и отдать этого благословеннейшего Христа, променять Его на вещи этой жизни, за что-нибудь. Искушение было на мне в течение года и преследовало меня так непрерывно, что я не был избавлен от него и на один день в месяц, иногда и на один час много дней подряд, если, конечно, я не спал.

133. И хотя, на мой взгляд, я был убеждён, что те, кто действительно были однажды во Христе (каковым, я надеялся, через Его благодать я однажды увидел и себя) никогда не могли потерять Его навсегда (потому что «землю не должно продавать навсегда; ибо Моя земля» – говорит Бог; Лев. 25:23), однако это было постоянной досадой для меня – думать, что я имел в себе хотя бы всего одну мысль против Христа Иисуса, Кто сделал для меня то, что Он сделал. И однако, тогда я не имел почти никаких других, кроме таких богохульных мыслей.

134. Ни неприятие моего разума, ни какое-либо желание и стремление сопротивляться ничуть не ослабляло и не умеряло продолжительность, и силу, и крепость этого. Оно всегда само тотчас вмешивалось почти во всё, о чём я думал, в такой манере, что я не

мог ни есть свою еду, наклониться за гвоздём, отрубить ветку, ни бросить взгляд, чтобы посмотреть на это или то, как уже приходило искушение: «Продай Христа за это, или продай Христа за то; продай Его, продай Его».

135. Иногда оно пробегало в моих мыслях не меньше ста раз подряд: «Продай Его, продай Его, продай Его», против чего, могу сказать, в течение целого ряда часов я был вынужден держаться при постоянном принуждении и насилии над моим духом, чтобы случайно (до того, как я осознал бы) какая-нибудь нечестивая мысль не возникла в моём сердце, которая могла бы этому уступить. И иногда искушитель заставлял меня поверить, что я уступил этому, тогда я становился, как мучимый пыткой в течение целого ряда дней.

136. Это искушение привело меня в такую боязнь, как бы я когда-нибудь, как я сказал, не уступил ему и не был им побеждён, что самой силой моего ума в старании противоречить и сопротивляться его злобности, само моё тело было приведено в действие и движение, путём расталкивания и давления руками и локтями, по-прежнему отвечая также быстро, как разрушитель говорил: «продай Его», «не продам, не продам, не продам, не продам. Нет, ни за тысячи, тысячи, тысячи миров», таким образом рассчитывая, как если бы я (посреди этих нападков) не установил Ему слишком низкую цену; даже до того, что я едва знал, где нахожусь или как снова успокоиться.

137. В эти времена он не позволял мне съесть в тишине свою еду, но, несомненно, – когда я сидел за столом за едой – я должен идти помолиться; я сейчас должен оставить свою еду, прямо сейчас, – таким притворно святым был этот бес. Когда я был таким образом искушаем, я говорил в себе: «Теперь я за едой; сначала я закончу». «Нет, – говорил он, – ты должен сделать это сейчас, или ты рассердишь Бога и презришь Христа». Поэтому я сильно страдал от этих явлений и из-за греховности моей природы (представляющей, что эти побуждения были от Бога), я отказывался делать это, как будто отказывал Богу, и тогда я чувствовал себя настолько же виновным, не подчинившись бесовскому искушению, как будто я в самом деле нарушил закон Божий.

138. Но чтобы быть кратким: в одно утро, когда я лежал в своей постели, я был как обычно наиболее свирепо атакован этим искушением – продать и распрощаться со Христом. Нечестивое

внушение по-прежнему пробегало в моём уме: «Продай Его, продай Его, продай Его, продай Его, продай Его», – так быстро, как только можно проговорить, против чего я также, как и прежде в своём уме отвечал: «Нет, нет, ни за тысячи, тысячи, тысячи», – по меньшей мере двадцать раз подряд. Но, наконец, после многих усилий, даже до того, что я почти задохнулся, я почувствовал, как через моё сердце прошла мысль: «Пусть Он уходит, если хочет», и подумал также, что я почувствовал, как моё сердце свободно уступило этому. О! Усердие Сатаны! О! Безднадёжность человеческого сердца!

139. Теперь битва была проиграна, и я свалился вниз, как подстреленная птица с верхушки дерева, в великий комплекс вины и страшного отчаянья. Таким образом, поднявшись со своей постели, я пошёл, хандря, в поле, но, Бог знает, с таким тяжёлым сердцем, какое только смертный человек, я думаю, может снести, где в течение двух часов я был как человек, лишённый жизни, и за пределами всякого восстановления, и направлявшийся к вечному наказанию.

140. И к тому же мою душу охватило следующее писание: «или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства. Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей [отца], хотя и просил о том со слезами» (Евр. 12:16,17).

141. И стал я тогда как заключённый, чувствовал себя находящимся в темнице до грядущего суда. Ничто тогда, в течение двух лет подряд, не пребывало во мне, кроме осуждения и ожидания осуждения. Как я сказал, ничто не пребывало во мне, кроме этого, за исключением нескольких моментов облегчения, как в впоследствии вы увидите.

142. Эти слова были для моей души подобно оковам из меди для моих ног, в постоянном звучании которых я ходил в течение нескольких месяцев подряд. Но около десяти или одиннадцати часов в тот день, когда я ходил вдоль изгороди (полный печали и вины, Бог знает) и оплакивал себя из-за этого прискорбного случая, что такая мысль возникла у меня, внезапно на ум пришло одно изречение: «Кровь Иисуса Христа прощает всякую вину». При этом я остановился в своём духе; с этим следующие слова овладели мной: «Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха» (1 Инн. 1:7).

143. Тогда я почувствовал мир в своей душе, и мне показалось, как будто искунитель посмотрел на меня злобно и выскользнул от меня, как устыдившийся того, что он сделал. В то же самое время я имел и свой грех, и кровь Христа, таким образом представленную мне, что мой грех при сравнении с кровью Христа, был перед ней не больше, чем этот маленький комочек или камешек возле меня перед этим широким и пространством полем, на которое я тут смотрел. Это дало мне хорошее ободрение на промежуток в два или три часа, в который также, мне показалось, я увидел верой Сына Божьего, страдающего за мои грехи. Но поскольку это не задержалось, я поэтому снова сник духом под чрезмерным чувством вины.

144. Однако, главным образом из-за вышеупомянутого писания, касательно продажи Исавом своего первородства, ибо это писание не выходило из моей головы целый день, целую неделю, даже целый год и держало меня поверженным, так что я не мог ни коим образом подняться; ибо когда я пытался обратиться к тому или иному писанию за облегчением, это изречение по-прежнему звучало во мне: «Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей [отца], хотя и просил о том со слезами».

145. Иногда меня, действительно, касалось место из Луки 22:32: «Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя». Но это не задерживалось во мне, и я не мог, на самом деле, когда рассматривал своё состояние, найти основание считать хоть в малейшей степени, что во мне есть источник благодати, когда я так согрешил. В то время я был жестоко разрываю и раздираю в течение многих дней подряд.

146. Тогда в горести я начал внимательно размышлять о природе и величине своего греха и искать в Слове Божьем, не мог ли я в каком-либо месте отыскать слово обетования или какое-нибудь ободряющее изречение, через которое я мог бы получить облегчение. Поэтому я начал рассматривать третью главу Марка: «Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили» (3:28). Это место на первый взгляд содержало великое и славное обетование для прощения глубоких оскорблений, но рассматривая это место более полно, я подумал, его следует понимать, как относящееся главным образом к тем, кто, находясь в природном состоянии, совершил такие вещи, какие здесь упомянуты,

но не ко мне, который не только получил свет и милость, но кто после этого и также вопреки этому так пренебрёг Христом.

147. Я поэтому боялся, что этот мой злой грех мог оказаться тем непростительным грехом, о котором Он там говорит таким образом: «но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению» (Мк. 3:29). И я охотнее верил этому из-за того изречения в Послании Евреям: «Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей [отца], хотя и просил о том со слезами». И это всегда оставалось со мной.

148. Тогда я был и бременем, и ужасом самому себе, и прежде никогда не знал, как в то время, что значит быть утомлённым жизнью и всё же бояться умереть. О! Как я был бы рад стать кем угодно, только не самим собой, чем угодно, только не человеком, и быть в любом положении, только не в своём собственном! Ибо ничто не приходило мне на ум чаще, чем то, что невозможно для меня получить прощение за своё преступление и спастись от грядущего гнева.

149. И тогда я снова начал призывать ушедшее время, тысячу раз желая дважды сказать, что тот день ещё не наступал, когда я должен быть искушаем в таком грехе, заключая с великим негодованием и против своего сердца, и против всех нападков, что я скорее был бы разорван на куски, чем был найден уступившем ему. Но увы! Эти мысли, и желания, и намерения были теперь слишком запоздалыми для меня. В моём сердце появилась такая мысль: «Бог отлучил меня, и я – погибший». «О! – думал я, – если бы я был как в прежние месяцы, как в те дни, когда Бог хранил меня!» (Иов 29:2).

150. Тогда снова, будучи несклонным и не желающим погибнуть, я начал сравнивать свой грех с другими, чтобы увидеть, не смогу ли найти, чтобы кто-либо из тех, которые спаслись, делал, как я сделал. Итак, я рассматривал прелюбодеяние Давида и убийство и нашёл их самыми отвратительными преступлениями; и те тоже совершены после получения света и благодати. Но всё же, рассуждая, я постиг, что его преступления были только против закона Моисеева, от которого Господь Христос мог, в соответствии со Своим Словом, избавить его, но моё было против Евангелия, более того, против его Посредника; я продал своего Спасителя.

151. Тогда я снова стал словно подвергаемый пытке на колесе, когда я рассудил, что кроме чувства вины, обладавшего мной, я, должно быть, настолько лишён благодати, настолько одержим. «Как, – думал я, – неужели это был никакой другой грех, а именно этот? Неужели он и был тем великим развращением? (Пс. 18:14). Неужели тот лукавый коснулся моей души?» (1 Инн. 5:18). О! Какое жало находил я во всех этих изречениях!

152. «Как, – думал я, – неужели есть только один грех, который не прощается, только один грех, который уводит душу вне досягаемости Божьей милости, и это – он? Неужели я виновен в нём? Неужели есть только один грех среди многих миллионов грехов, которому нет прощения, и неужели я совершил его? О! Несчастный грех! О! Несчастный человек!» Эти вещи так разрушали и смущали мой дух, что я не знал, что делать. Временами я думал, они сведут меня с ума; и ещё, чтобы отяготить моё страдание, в моей голове пробегало: «Вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен». О! Никто не знает ужаса тех дней, кроме меня самого.

153. После этого я стал размышлять о грехе Петра, который он совершил, отрекаясь от своего Учителя. И, действительно, этот подошёл к моему больше любого из тех, что я смог найти, ибо он отрёкся от своего Спасителя, как я, после получения света и милости; более того, также после данного ему предупреждения. Я размышлял также о том, что он сделал это и раз, и второй, через какое-то время, чтобы в промежутке поразмыслить. Но хотя я сложил вместе эти обстоятельства, чтобы, если возможно, я мог бы найти помощь, всё же я снова рассуждал, что его грех был только отречением от его Учителя, но мой – продажей моего Спасителя. Поэтому я думал в себе, что я подошёл ближе к Иуде, чем Давид или Пётр.

154. Тут снова воспыало моё мучение, вызывая у меня страдание; более того, оно размалывало меня, так сказать, в порошок, когда я рассматривал, как других Бог хранит, в то время, как я провалился в западню; ибо рассматривая грехи других людей и сравнивая их с моим собственным, я мог с очевидностью видеть, что Бог хранил их, не смотря на их нечестие, и не позволял им, как Он позволил мне, стать сыном погибели.

155. О! Как высоко моя душа ценила в то время охранение, какое Бог устанавливает вокруг Своих людей! Ах, как безопасно, видел я,

ходили те, кого Бог оградил! Они находились под Его защитой, заботой и особым промыслом, хотя они были по природе также плохи, как я, всё же, потому что Он любит их, Он не потерпит, чтобы они упали, не протянув им милости. Но что касается меня, – я погиб, я сделал это; Он не оберегал меня, не хранил меня, но позволил мне (потому что я был нечестивцем) пасть, что я и сделал. В то время те благословенные места, которые говорили о Божьем хранении Его людей, сияли передо мной, подобно солнцу, хотя и не утешая, а только чтобы показать мне благословенное положение и наследство тех, кого Господь благословил.

156. Тогда я увидел, что, как Бог участвовал во всяком промысле и предусмотрительности, которые охватывали Его избранных, так Он вмешивался и во все искушения, которые были у них, чтобы согрешить против Него, не для того, чтобы побуждать их к нечестию, но избирать их искушения и затруднения для них, а также оставлять их на время для таких только грехов, которые не могли бы разрушить, но только смирить их, как не могли бы поставить их вне, но поставить их на пути обновления Его милости. О! Какую любовь, какую заботу, какую доброту и милость я увидел тогда, сочетающиеся с самыми суровыми и страшными из всех Божиих путей для Его людей! Он позволил Давиду, Езекии, Соломону, Петру и другим пасть, но не позволил им впасть в грех непростительный, ни в ад за грех. «О! – думал я, – это люди, которых Бог возлюбил, это люди, которых Бог хотя и наказывает, но хранит в безопасности возле Себя, те, которых Он побуждает пребывать под сенью Всемогущего». Но все эти мысли добавили мне печали, горя и ужаса, так как о чём бы я теперь не подумал, это убивало меня. Как всё содействует к лучшему и делает благо тем, которые призваны по Его изволению, так, думал я, всё действует мне во вред и к моему вечному поражению.

157. Затем я снова начал сравнивать свой грех с грехом Иуды, чтобы, если возможно, мог увидеть, не отличается ли мой от того, который поистине является непростительным. «О! - думал я, - если он отличается от того хотя бы на толщину волоса, в каком счастливом состоянии находится моя душа!» И размышляя, я нашёл, что Иуда сделал это намеренно, а мой был вопреки моей молитве и стараниям. Кроме того, его грех был совершён очень обдуманно, но мой в страшной спешке, неожиданно. Всё это время меня бросало туда-

сюда как саранчу и носило из тревоги в печаль. Я всегда слышал в ушах шум падения Исава и его страшные последствия.

158. Всё же это размышление о грехе Иуды на некоторое время стало маленьким облегчением для меня, ибо я видел, что касается обстоятельств, я согрешил не так предательски, как он. Но это снова быстро ушло, ибо я подумал в себе, может быть существует более, чем один путь совершения непростительного греха; также я подумал, что могут быть различные степени этого, как и других преступлений. Поэтому насколько я мог постичь, это моё беззаконие может являться таким, какое никогда не может быть отпущено.

159. В то время мне часто бывало стыдно, что я был таким скверным человеком, как Иуда. Я думал также, каким отвратительным буду я для всех святых в день суда, настолько, что тогда я едва мог видеть хорошего человека, который, как я верил, имел добрую совесть, и я чувствовал, как моё сердце трепещет перед ним пока я был в его присутствии. О! Теперь я видел славу в хождении с Богом, и какая это милость – иметь добрую совесть перед Ним.

160. Примерно в то время я был сильно искушаем успокоить себя принятием одного ложного мнения, что не будет такой штуки как день суда, что мы не восстанем снова, что грех не является такой прискорбной вещью. Искуситель внушал так: «Хотя бы эти вещи в самом деле были истиной, всё же верить иначе – сделало бы твою теперешнюю жизнь легче. Если ты должен погибнуть, не мучь себя так сильно перед тем, изгони мысли об осуждении из головы, займи свой разум какими-нибудь умозаключениями, какие используют атеисты и Рантеры, помогая ими себе».

161. Но когда такие мысли завладели моим сердцем, вот, так сказать, в шаге смерти и суд предстали перед моим взором! Мне показалось, судья стоял в дверях; я почувствовал, словно Он уже пришёл; так что такие вещи – совсем не развлекают. Но мне кажется, через это я вижу, что Сатана будет использовать любой способ, чтобы удержать душу вдали от Христа. Он не любит пробуждённое состояние духа; беспечность, слепота, тьма и заблуждение являются самим царством и жилищем лукавого.

162. Молиться Богу было тогда для меня тяжёлой работой, потому что отчаяние поглотило меня. Я думал, что я был словно бурей

унесённый от Бога, ибо всегда, когда я вопиял к Богу о милости, подкапывало: «Слишком поздно, я потерян. Бог попустил мне пасть не для моего исправления, но осуждения. Мой грех – непростительный, и я знаю, что касается Исава, как после того, как он продал своё первородство, желая получить благословение, был отвержен». Примерно в это время я неожиданно наткнулся на ту страшную историю этого несчастного смертного Фрэнсиса Спиры, книгу, которая была для моего обеспокоенного духа как соль, втираемая в свежую рану. Каждое предложение в этой книге, каждый стон того человека со всеми прочими его поступками в его печали, как то его слёзы, его молитвы, его скрежет зубов, его заламывание рук, их сплетение и выкручивание, и томление, и истаивание под той могущественной рукой Божьей, которая была на нём, были как ножи и кинжалы в моей душе. Особенно пугающим его изречением для меня было: «Человек знает исток греха, но кто загородит его устье?» Затем прежнее изречение, как заключение всего снова пало как удар раскалённой молинии в мою совесть: «Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей [отца], хотя и просил о том со слезами».

163. Тогда меня стала бить очень сильная дрожь, такая, что иногда в течение целых дней подряд я мог чувствовать, как само моё тело, также и разум, сотрясались и дрожали от ощущения этого страшного суда Божьего, который должен пасть на тех, которые согрешили этим самым страшным, непростительным грехом. Я чувствовал также такую тяжесть и жар в желудке по причине этого ужаса, что мне казалось, иногда особенно, будто моя грудина раскололась пополам. Тогда я думал об Иуде, который упав плащмя, разорвался пополам посередине, и весь его кишечник выпал (Деян. 1:18).

164. Я боялся также, что это было знамением, которое Господь положил на Каина, именно постоянный страх и дрожь под тяжёлым грузом вины, которую Он возложил на него за кровь его брата Авеля. Таким образом, я обмотался, опоясался и просел под бременем, которое было на мне, каковое бремя так отягощало меня, что я не мог ни стоять, ни идти, ни лежать ни в покое, ни в тишине.

165. Ещё одно высказывание приходило мне на ум: «Он принял дары для противящихся» (Пс. 67:19). «Противящихся, – подумал я. – Конечно, это те, которые однажды были в подчинении у их Государя,

даже те, которые после того, как присягнули в верности Его правлению, подняли руки против Него; а это, подумал я, и есть моё состояние. Я однажды любил Его, боялся Его, служил Ему, но теперь я – мятежник. Я продал Его, сказал: «Пусть Он уходит, если хочет». Но всё же Он имеет дары для мятежников, а тогда почему не для меня?»

166. Иногда я думал вот о чём, и пытался за это ухватиться, чтобы какое-нибудь, хотя бы и маленькое подкрепление могло быть получено мной; но в этом я также не достигал своего желания; я был с силой увлечён за его пределы. Я был подобен человеку, идущему на казнь, даже мимо того места, куда он бы с радостью заполз и спрятался, но не может.

167. После того, как я таким образом рассмотрел грехи святых по отдельности и нашёл, что мой их превышает, тогда я снова начал рассуждать сам с собой: «Предположим, что я сложил бы их все вместе, а свой выставил один против них, не мог бы я тогда найти какое-то ободрение? Ибо, если мой, хотя и больше любого другого, всё же был бы только равным всем, тогда есть надежда, ибо та Кровь, которая имеет в себе достаточно силы, чтобы смыть все их, имела бы в себе достаточно силы смыть и мой, хотя этот грех является как раз таким же большим, если не больше, чем все их». Тут я снова размышлял о грехе Давида, Соломона, Манассии, Петра и остальных великих преступников, и также старался, насколько мог беспристрастно, отягчать и преувеличивать их грехи некоторыми обстоятельствами.

168. Я рассуждал сам с собой, что Давид пролил кровь, чтобы покрыть свое прелюбодеяние, и это мечом детей Аммона; дело, которое не могло быть сделано как только через продолжительное время и по обдуманному плану, что являлось серьёзным отягчающим обстоятельством для его греха. Но затем моё отношение переменилось: «Ах, но это были грехи только против закона, от которых спасти их был послан Иисус, но твой грех против Спасителя, и кто спасёт тебя от этого?»

169. Потом я думал о Соломоне, и как он грешил, любя чужеземных женщин и падая перед их идолами, строя им храмы, делая это после света, в своей старости, после получения великой милости. Но то же умозаключение, которое оборвало меня в предыдущем случае,

оборвало меня и на этот раз; именно, что все те были грехами против закона, за которые Бог представил средство избавления, но я продал своего Спасителя, и не осталось больше жертвы за грех.

170. Затем я добавил к грехам этих людей грехи Манассии; как он построил жертвенники для идолов в доме Божьем; он также наблюдал времена, ворожил, учредил чародеев, сам чародействовал, имел вызывателей духов, сжигал своих детей в огне в жертву бесам и наполнил улицы Иерусалима невинной кровью. Это, подумал я, были великие грехи, грехи кровавого цвета, но, однако, моё отношение снова переменилось: «Ни один из них не был подобен характеру твоего; ты отделился от Иисуса, ты продал своего Спасителя».

171. Одна и та же мысль всегда убивала моё сердце: мой грех был направлен прямо против моего Спасителя, и к тому же такой величины, что я сказал в своём сердце о Нём: «Пусть Он уходит, если хочет». О! Мне казалось, этот грех был больше, чем грехи страны, королевства или целого мира. Ни один простительный, ни все они вместе не могли сравниться с моим; мой превосходил каждый.

172. Тогда я обнаружил, что мой разум бежит от Бога, как от лица страшного судьи. Мучило меня также то, что я не мог избежать Его руки («Страшно впасть в руки Бога живого». Евр. 10:31). Но да будет благословенна Его благодать, одно писание во время этих припадков бегства окликало меня вдогонку: «Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя» (Ис. 44:22). Это, как я сказал, приходило мне на ум, когда я убегал от лица Божьего, ибо я убегал от Его лица, то есть, мой разум и дух спасались бегством от Него. По причине Его величия я не мог выдержать, тогда Библейский текст кричал: «Обратись ко мне». Он кричал громко, очень сильным голосом: «Обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя». Это действительно заставляло меня сделать короткую остановку и, так сказать, обернуться через плечо поглядеть, не смогу ли различить, что Бог благодати следовал за мной с прощением в Его руке. Но едва я собирался сделать это, как всё снова заволакивалось облаками и мрачнело из-за того изречения: «Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей [отца], хотя и просил о том со слезами». Поэтому я не мог удержаться и бежал, хотя иногда оно кричало: «обратись, обратись», как будто окликая меня сзади, но я боялся приблизиться к

нему, как бы оно не было не от Бога, ибо то другое, как я сказал, по-прежнему звучало в моей совести: «Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен и т. д.»

173. Однажды я прохаживался взад-вперёд по лавке одного доброго человека, оплакивая себя в том печальном и скорбном состоянии, заставляя себя испытывать самоотвращение за ту злую и нечестивую мысль, сокрушаясь об этом прискорбном случае, что я совершил такой великий грех, сильно боясь, что я не буду прощён, также молясь в сердце, чтобы Господь показал мне, не отличается ли этот мой грех от того, который против Святого Духа. Я был тогда готов провалиться от страха, как вдруг случилось, что в окно словно ворвался шум ветра, налетевший на меня, только очень приятный, и я будто услышал голос, говорящий: «Ты когда-нибудь отказывался быть оправданным кровью Христа?» И в то же время весь период моей жизни, когда я исповедовал религию, был открыт мне во мгновение, в которое я успел увидеть, что умышленно я не отказывался, так что моё сердце, вздыхая, сказала: «Нет». Затем одно Слово Божие с силой коснулось меня: «Смотрите не отворачивайтесь и вы от говорящего» (Евр. 12:25). При этом странное чувство охватило моё сердце; это писание принесло с собой свет и установило тишину в моём сердце от всех тех беспорядочных мыслей, которые до этого, как бродячие адские псы, рычали и ревели, и создавали страшный шум внутри меня. Оно также показало мне, что Иисус Христос ещё имеет Слово благодати и милости для меня, что Он не вконец (как я боялся) покинул и бросил мою душу. Более того, это был, как бы, упрёк за мою склонность к отчаянию, как бы угроза, если я не возложил, не смотря на мои грехи и их гнусность, своё спасение на Сына Божьего. Но что касается моего определения этого странного посещения, чем оно было, я не знаю; или откуда оно пришло, я не знаю. Я всё ещё не могу и спустя двадцать лет судить об этом; я думал тогда, как долго я буду не желающим говорить. Но, воистину, тот внезапно ворвавшийся ветер был словно ангелом, приходившим ко мне; но и его, и это приветствие я оставляю до дня Суда. Только одно скажу, он установил великую тишину в моей душе; он убедил меня, что есть ещё надежда; он показал мне, как я подумал, что является непростительным грехом, и что моя душа всё ещё имела благословенную привилегию прибегать к Иисусу Христу за милостью. Но, как я сказал, касательно этого посещения, я всё ещё не

знаю, что сказать о нём, что также было истинной причиной, почему я об этом сперва не говорил в этой книге; я теперь предоставляю мужам здравого суждения подумать об этом. В вопросе своего спасения я не на это ставлю ударение, но на Господа Иисуса, на обетование; однако, понимая, что я здесь раскрываю свои тайны, я подумал, что позволить этому также появиться не будет совсем нецелесообразным, хотя я не могу теперь рассказать об этом деле как тогда, когда я пережил его. Послевкусие этого длилось в течение трёх или четырёх дней, а затем я начал сомневаться и отчаялся снова.

174. Поэтому моя жизнь была по-прежнему не ясна для меня, не ведающего, в какую сторону я склонюсь; я находил только, что моя душа желала как раз броситься к подножию благодати в молитве и прощении. Но ох! Это было для меня тогда трудным, осмелиться молиться о милости Христу, против Которого я самым подлым образом согрешил. Это была трудная работа, как я сказал, попытаться посмотреть в лицо Тому, против Которого я так подло согрешил, и, действительно, я обнаружил, что также трудно придти к Богу в молитве после отступления от Него, как сделать что-либо другое. О! Стыд, который теперь сопутствовал мне, особенно, когда я думал, что собираюсь молить Его о милости, что я считал таким лёгким только некоторое время назад! Я был пристыжён, более того, поставлен в тупик, потому что мной была совершена эта подлость. Но я видел, что у меня был только один выход, – я должен идти к Нему и смирить себя перед Ним, и умолять, чтобы Он по Своей удивительной милости показал жалость ко мне и помиловал мою несчастную грешную душу.

175. Когда искушитель опомнился, он сильно внушал мне, что я не должен молиться Богу, ибо молитва в моём случае – не для каждого, и не могла принести мне ничего хорошего, потому что я отверг Посредника, через Которого все молитвы с одобрением приходят к Богу Отцу, и без Которого никакая молитва не может придти в Его присутствие, поэтому молиться сейчас означает только прибавить ко греху грех. «Более того, молиться сейчас, видя, как Бог тебя гонит прочь, является ещё одним способом рассердить и оскорбить Его ещё больше, чем ты сделал прежде».

176. «Ибо Бог, – говорит он, – уже устал от тебя за эти несколько лет, потому что ты не Его; твои рыдания в Его ушах не были для Него

приятным звуком, поэтому Он и позволил тебе согрешить тем грехом, чтобы ты мог быть совсем отсечён, и ты всё ещё хочешь молиться?» К этому подстрекал дьявол и приводил из книги Чисел: когда Моисей сказал детям Израиля, из-за того, что они не пошли завладеть землёй, когда Бог посылал их, по этой причине Он больше никогда их туда не пускал, хотя они молились, как могли, со слезами (Чис. 14:36, 37 и т. д.).

177. Как это сказано в другом месте (Исх. 21:14), человек, который грешит намеренно, будет взят на смерть даже от жертвенника Божьего, как Иоав был взят царём Соломоном, когда он думал найти там убежище (3 Цар. 2:28 и т. д.). Эти места прижали меня очень болезненно. «Всё же мой случай – безнадёжный, – думал я в себе. – Я могу только умереть, и если должно быть так, однажды скажут, что такой-то умер у ног Христа в молитве». Я сделал это, но с великим трудом (Бог знает), и в том числе из-за того, что высказывание об Исаве всё ещё лежало у меня на сердце, даже подобно пламенному мечу, чтобы охранять путь к древу жизни, чтобы я не взял от него и жил. О! Кто знает, насколько трудно, как я обнаружил, придти к Богу в молитве!

178. Я также желал молить людей Божиих за меня, но я боялся, что Бог не даст им одобрения делать это; более того, я дрожал в душе от мысли, что тот или другой из них вскоре скажет мне, что Бог сказал им те слова, которые Он однажды сказал пророку касательно детей Израиля: «Не молись за этот народ, ибо Я отверг их». (Иер. 11:14). Итак: «Не молись за него, ибо я отверг его». Более того, я подумал, что Он уже шепнул это кому-то из них, только они не осмеливались сказать мне так, ни я не осмеливался из-за страха спросить их, не было ли этого. Это сводило меня с ума. «Человек знает исток греха (сказал Спира), но кто загородит его устье?»

179. Примерно в это время я получил возможность поделиться своими мыслями с одним старым Христианином и рассказал ему всё о своём случае. Я рассказал ему также, что боюсь, что я согрешил грехом против Святого Духа, и он рассказал мне, что он тоже так думал. Поэтому в тот момент я получил лишь слабое утешение, но поговорив с ним немного, я обнаружил, что он, хотя и добрый человек, но не много знает о сражении с дьяволом. Поэтому я снова пошёл к Богу как умел, всё ещё за милостью.

180. В то время искуститель принялся глумиться надо мной в моём несчастье, говоря, что я, дескать, так отлучился от Господа Иисуса и вызвал недовольство Того, Кто стоял между моей душой и пламенем пожирающего огня, что теперь был только один путь, и вот какой – молиться, чтобы Бог Отец стал посредником между Его Сыном и мной, чтобы мы снова могли примириться, и чтобы я мог иметь в Нём то благословенное преимущество, которым наслаждаются Его благословенные святые.

181. Тогда моей душой завладело такое писание: «Но Он тверд; и кто отклонит Его?» (Иов 23:13). О! Я понимал, было бы так же легко убедить Его сотворить новый мир, новый завет или новую Библию, кроме тех, что мы уже имеем, как и молиться о подобном деле. Следовало убедить Его, что уже сделанное Им было просто глупостью и склонить Его изменить, более того, аннулировать весь путь спасения. И затем такое высказывание рвало мою душу на части: «Нет ни в ком ином спасения, ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4:11,12).

182. В то время самые доступные и полные благодати слова Евангелия были величайшим мучением для меня. Более того, ничто так не заставляло меня страдать, как мысли об Иисусе Христе, воспоминание о Спасителе (потому что я прогнал Его) приводило на память мерзость моего греха и мою потерю из-за него. Ничто так не ранило мою совесть, как это. Всякий раз, когда я думал о Господе Иисусе, о Его благодати, любви, благодати, доброте, великодушии, кротости, смерти, крови, обетованиях и благословенных увещеваниях, ободрениях, утешениях, это проходило через мою душу как меч, ибо тем моим рассуждениям о Господе Иисусе по-прежнему прилежались такие мысли в моём сердце: «Да, это Иисус, любящий Спаситель, Сын Божий, с Которым ты разлучён, Которым ты пренебрёг, Которого презрел и оскорбил. Это – единственный Спаситель, единственный Искуститель, единственный, Кто смог так возлюбить грешников, что омыл их от грехов их Своею собственной, самой драгоценной кровью, но ты не имеешь части, ни жребия в Этом Иисусе. Ты выставил Его от себя. Ты сказал в своём сердце: «Пусть Он уходит, если хочет», поэтому теперь ты отлучён от Него; ты отлучил себя от Него. Посмотри на Его благодать, но тебе не быть её причастником». О! подумал я, - что я потерял, с чем расстался!

Какого наследства лишилась моя бедная душа! О! Печально быть разрушенным благодатью и милостью Божьей, иметь Агнца, Спасителя, превратившегося во льва и разрушителя (Отк. 6). Я также трепетал, как я сказал, при виде святых Божьих, особенно тех, что сильно любили Его, и которые сделали своим занятием постоянно ходить с Ним в этом мире, ибо они и в своих словах, и в осанке, и во всех своих выражениях нежности и боязни согрешить против их драгоценного Спасителя осуждали, возлагали вину и также добавляли постоянное страдание и стыд моей душе. Страх перед ними был на мне, и я трепетал перед Божьими Самуилами (1 Цар. 16:4).

183. Тогда искушитель сызнова начал глумиться над моей душой другим способом, говоря, что Христос на самом деле сочувствовал моему случаю и сожалел о моей потере, но поскольку я согрешил и преступил так, как я преступил, Он никоим образом не может мне помочь, ни спасти меня от того, чего я опасался, ибо мой грех не был той же природы, как и тех, за которых Он пролил кровь и умер, также он не считался среди тех, которые были возложены на Него, когда Он висел на кресте; поэтому, если Он не сойдёт с Небес и не умрёт заново за этот грех, хотя Он действительно очень сочувствует мне, всё же я не смогу иметь от Него никакой пользы. Эти вещи кому-то могут показаться нелепыми, даже слишком нелепыми, каковыми они и являются, но для меня они были мучительнейшими размышлениями; каждая из них увеличивала моё страдание, что Иисус Христос имел так много любви, чтобы посочувствовать мне, в то время как Он не мог мне помочь. И я не думал, что причина, почему Он не мог мне помочь, в том, что Его заслуги были слабы, или Его благодать и спасение уже потрачены на других, но потому, что Его верность Своим предостережениям не позволяла Ему распространить Свою милость на меня. Кроме того, я думал, как я уже упоминал, что мой грех не находился в границах того помилования, которое содержалось в обетовании, а если нет, тогда я знал несомненно, что скорее небеса и земля прейдут, чем я получу вечную жизнь. Так что почва всех тех моих страхов основывалась на крепкой вере, каковую я имел в непоколебимость святого Божьего Слова, а также на моём заблуждении относительно природы моего греха.

184. О! Сколько страдания это добавило мне, – представить себе, что я виновен в таком грехе, за который Он не умирал. Эти мысли так смущали меня и связывали меня, и не давали мне верить, что я не знал, что и делать. «О, – думал я, – если бы Он сошёл снова! О! Если бы труд искупления человека ещё только предстоял Христу! Как бы я умолял Его и упрасивал Его посчитать и рассматривать этот грех среди остальных, за которые Он умер!» Но следующее писание сразило меня как мёртвого: «Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти» (Рим. 6:9).

185. Таким образом из-за этих странных и необычных нападок искусителя моя душа была как разбитый сосуд, как унесённая ветрами и бросаема с головой в отчаяние; иногда на основании завета дел, а иногда – желать, чтобы новый завет и его условия могли быть (как я сам мечтал) обращены совсем на другой путь и изменены. Но во всех них я был подобен тому, кто наталкивается на скалы, ещё более разбитый, разрушенный и разодранный. О! Немыслимые фантазии, испуги, страхи и ужасы, вызываемые всецело поглощающим чувством вины, переходящим в безумие! Это человек, имевший жилище в гробах с мёртвыми, который всегда кричал и ранил себя о камни (Мар. 5:1-3). Но, как я сказал, всё напрасно; безумие не успокоит его, ветхий завет не спасёт его; мало того, скорее небеса и земля прейдут, чем одна йота или черта Слова и закона благодати потеряет силу или прейдёт. Это я видел, это я чувствовал, и над этим стенол. Всё же такую пользу я получил от этого, а именно, дальнейшее подтверждение незыблемости пути спасения, и что Писание является Словом Божьим. О! Я не могу теперь выразить, что тогда видел и чувствовал касательно неизменности Иисуса Христа, Скалы спасения человека. Что было сделано, не могло быть отменено, изменено, ни добавлено к тому. Я видел, действительно, что грех мог увести душу от Христа, именно грех, являвшийся непростительным; но горе тому, кто был так уведён, ибо Слово не впустит его.

186. Таким образом, я всегда проваливался, чтобы я ни думал или делал. Так, в один день я шёл в соседний город и присел на улице на скамью, и впал в очень глубокую задумчивость о том, в какое ужаснейшее состояние привёл меня мой грех, и после долгого размышления я поднял свою голову, где сидел, но мне показалось, я увидел, как будто солнце, которое сияет в небе, неохотно даёт свет, и

как будто самые камни на улице и черепица на домах ошетились против меня. Мне казалось, что они сговорились вместе сжить меня со свету. Я был им противен и недостоин жить среди них или быть соучастником их благ, потому что я согрешил против Спасителя. О, каким счастливым тогда было всякое творение, над которым я был! Ибо они устояли и сохранили своё положение, а я был погибшим и потерянным.

187. Тогда, разразившись в горечи своей души, я сказал себе с горестным вздохом: «Как Бог может утешить такого несчастного?» Не успел я сказать это, как мне словно эхо ответил голос: «Этот грех не к смерти», на что я стал будто восставшим из могилы и снова возопил: «Господи, как Ты можешь находить такие слова, как эти!» Ибо я был наполнен восторгом из-за соответствия и неожиданности изречения, соответствия слов и выбора момента. Мне было удивительно найти силу, сладость и свет, и славу, которые пришли вместе с ними. Тогда в течение некоторого времени я был избавлен от сомнений относительно того, о чём я был в сомнениях прежде. Моими страхами до того были такие, что мой грех был непростительным, и что я не имел права молиться, каяться и т. д., или что, если я это делал, это не принесло бы мне никакого блага, ни пользы. «Но теперь, – подумал я, – если этот грех не к смерти, тогда он – простителен, поэтому я имею ободрение придти к Богу через Христа за милостью, созерцать обетование прощения, которое стоит с распростёртыми объятьями, чтобы принять меня наравне с другими». Так что это было великим облегчением моему разуму, думать, что мой грех был простительным, что он не был грехом к смерти (1 Инн. 5:16,17). Никто, кроме тех, которые знают (по их собственному опыту), какой была моя беда, не может знать, какое облегчение пришло в мою душу через это размышление. Это являлось для меня освобождением от прежних оков и убежищем от прежней бури. Казалось, я встал на ту же почву с другими грешниками и имел такое же право на слово и молитву, как любой из них.

188. Тогда, как я сказал, я был в надеждах, что мой грех не являлся непростительным, но что для меня могли быть надежды получить прощение. О! Как тогда Сатана наносил удары направо и налево, чтобы снова свалить меня! Но он никоим образом не мог этого сделать ни в тот день, ни большую часть следующего, ибо это благое

изречение стояло как верстовой столб за моей спиной. Но к вечеру следующего дня я почувствовал, как эти слова начали оставлять меня и отзывать свою поддержку от меня, и так я вернулся к своим старым страхам снова, но с большой долей недовольства и раздражения, ибо я боялся тоски и отчаяния, и вера моя тогда не могла долго удерживать эти слова.

189. Но вечером следующего дня, находясь под многими страхами, я пошёл искать Господа, и когда я молился, я вопиял, и моя душа вопияла к Нему такими словами с сильным воплем: «О Господи, я умоляю Тебя, покажи мне, что Ты возлюбил меня вечной любовью!» (Иер. 31:3). Не успел я сказать это, как с любезностью раздалось мне в ответ словно эхо, или звуча вновь: «Любовью вечною я возлюбил тебя». Тогда в покое я пошёл спать. И когда на следующее утро я пробудился, это по-прежнему было у меня на душе, и я верил этому.

190. Но искуситель всё ещё не оставил меня, ибо не менее сотни раз в тот день он пытался нарушить мой мир. О, сражения и столкновения, с которыми я тогда встретился, когда старался держаться за эти слова; напоминание об Исаве налетало на меня как молния. Взлёты и падения иногда бывали у меня по двадцати раз за час. Бог всё ещё поддерживал меня и держал моё сердце на этих словах, отчего в течение нескольких дней я имел также сладостное чувство и утешающую надежду на помилование, ибо мне было разъяснено таким образом: «Я любил тебя, когда ты совершал этот грех, Я любил тебя прежде этого, Я по-прежнему люблю тебя, и Я буду любить тебя вечно».

191. Однако мой грех всё ещё казался мне самым жестоким и отвратительным преступлением, и я мог только заключить с великим стыдом и изумлением, что ужасно оскорбил святого Сына Божьего; поэтому я чувствовал, что моя душа сильно любит и соболезнует Ему, и моя внутренность стремится к Нему, ибо я увидел, что Он по-прежнему был моим другом и воздал мне добром за зло. Более того, любовь и привязанность, горевшие тогда во мне к моему Господу и Спасителю Иисусу Христу, возбудили в то время такое сильное и горячее желание отпущения самому себе за оскорбление, которое я нанёс Ему, что (как я тогда думал) имей я тысячу галонов крови в своих венах, я мог бы тогда свободно излить её всю в распоряжение и к ногам моего Господа и Спасителя.

192. И когда я размышлял таким образом, и изучал, рассуждая, как любить Господа и выражать Ему свою любовь, ко мне пришло такое высказывание: «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, - Господи! кто устоит? Но у тебя прощение, да благоговейт пред Тобою» (Пс. 129:3,4). Это были добрые слова для меня, особенно последняя часть, а именно, что у Господа прощение, чтобы благоговели пред Ним; то есть, как я тогда понимал это, чтобы Его любили и почитали, ибо это было мне разъяснено таким образом: что великий Бог так высоко ценит любовь Своих бедных тварей, что Он скорее бы простил их грехи, чем остался без их любви.

193. И тогда такие слова исполнились на мне, и я также был укреплен ими: «Для того, чтобы ты помнила и стыдилась, и чтобы вперед нельзя было тебе и рта открыть от стыда, когда Я прошу тебе все, что ты делала, говорит Господь Бог» (Иез.16:63). Так была моя душа в то время (и, как я тогда думал, навсегда) освобождена от беспокоившего прежде чувства вины и ужаса.

194. Но прошло не много недель, и я снова начал падать духом, боясь, как бы я, не смотря на всё, чем я до того наслаждался, не обманулся и не был уничтожен в конце. Ибо следующее рассуждение крепко засело в моей голове, что какое бы утешение и мир, которые я думал, что я мог бы иметь из Слова обетования жизни, всё же если только могло быть найдено в подкрепление мне совпадение и согласие в Писании, позволяющее мне думать о том, чего я желаю от этого, и никогда не держал этого так крепко, я не найду в конце ничего подобного этому: «И не может нарушиться Писание» (Иоан.10:35).

195. И вот моё сердце снова начало болеть и бояться, что в конце я могу встретить разочарование. Поэтому я начал со всей серьёзностью исследовать моё прежнее утешение и рассматривать, сумел ли кто-то, согрешивший так же, как я, убежденно уповать на верность Божью, положился ли на эти слова, которыми я был утешен, и к которым я склонился. Но тогда мне на ум пришли следующие высказывания: «Ибо невозможно - однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием» (Евр.6:4-6). «Ибо если мы, получив познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы

за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников» (Евр.10:26,27). «Как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства. Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей [отца], хотя и просил о том со слезами» (Евр.12:16,17).

196. И вот слово Евангелия было отнято от моей души, так что никакого обетования или ободрения не могло быть найдено в Библии для меня. И вот какое высказывание воздействовало на мой дух, чтобы огорчать меня: «Не радуйся, Израиль, до восторга, как другие народы» (Ос. 9:1). Ибо я действительно видел, существует причина для радости у тех, которые держатся Иисуса, но что касается меня, я отсёк себя своими преступлениями и не оставил себе ни опоры для ноги, ни за что ухватиться рукой среди всех опор и поддержек в драгоценном Слове жизни.

197. И воистину, я тогда чувствовал себя проваливающимся в пропасть, как дом, фундамент которого разрушен. Я уподоблял себя в этом состоянии ребёнку, который упал в мельничную запруду, который хотя мог бы как-то попытаться уцепиться и распластаться в воде, всё же, не найдя опоры ни руке, ни ноге, по этой причине должен умереть в этом положении. Как только это свежее нападение устремилось на мою душу, на сердце мне пришло такое писание: «Это на многие дни» (Дан. 10:14). И, действительно, я нашёл, что это было так, ибо я не мог освободиться, ни обрести снова мир, пока не прошли почти два с половиной года. Поэтому те слова, хотя сами по себе они вели к упадку духа, всё же для меня, который боялся, что это состояние будет вечным, они временами были в помощь и подкрепление.

198. Ибо, думал я, многие дни - это не навсегда, у многих дней будет окончание. Поэтому видя, что мне предстояло страдать не недолгие, но многие дни, всё же я был рад, что это только в течение многих дней. Таким образом, как я сказал, я иногда напоминал себе и подавал себе помощь, ибо как только эти слова приходили мне на память, во-первых, я знал, что моё затруднение будет долгим, однако оно будет только временами, ибо я не мог всегда думать об этом, ни когда-либо избавиться от него, хотя я сделал это.

199. В то время, когда Писание находилось передо мной и снова указывало на грех у моих дверей, слова в восемнадцатой главе Луки,

вместе с другими, поощряли меня к молитве. Тогда искуситель снова чувствительно навалился на меня, внушая, что ни милость Божья, ни кровь Христа не имеют ко мне отношения вообще и не могут помочь мне от моего греха, поэтому молиться не стоит. «Всё же, - подумал я, - я буду молиться». «Но, - сказал искуситель, - твой грех - непростительный». «Пусть, - сказал я, - я буду молиться». «В этом никакого смысла», - сказал он. «Всё же, - сказал я, - я буду молиться». Итак, я пошёл молиться Богу. И когда я был в молитве, я произносил слова в таком смысле: «Господи, Сатана говорит мне, что ни Твоя милость, ни кровь Христа не могут спасти мою душу. Господи, буду ли я почитать Тебя более всего, веря, что Ты желаешь и можешь? Господи, я бы лучше почтил Тебя, веря, что Ты желаешь и можешь».

200. И когда я таким образом находился перед Господом, следующее писание захватило моё сердце: «О женщина, велика вера твоя» (Мат. 15:28). Даже словно кто-то похлопал меня по спине, когда я был на коленях перед Богом. Всё же я не мог поверить, что это была молитва веры, ещё почти шесть месяцев после того, ибо я не мог и подумать, что я имел веру, или что для меня имелось слово, чтобы задействовать веру; поэтому я был всё ещё как бы застрявшим в пасти отчаяния и ходил взад-вперёд горюя, в печальном состоянии.

201. Не было ничего тогда, чего бы я желал больше, чем быть избавленным от сомнения, что касается этого вопроса, и когда я страстно желал знать, была ли в самом деле для меня надежда, такие слова пришли громогласно мне на ум: «Неужели навсегда отринул Господь, и не будет более благоволить? Неужели навсегда престала милость Его, и пресеклось слово Его в род и род? Неужели Бог забыл миловать? Неужели во гневе затворил щедроты Свои?» (Пс. 76:8-10). И всё время они пробегали в моей голове, мне казалось, что это было ответом. Это вопрос, затворил ли Он или нет. Возможно, что нет. Более того, вопросительная форма, мне казалось, несла в себе несомненное подтверждение, что на самом деле Он не затворил и не отринул, но будет благоволить, что Его обетование не потеряло силу, и что Он не забыл миловать и во гневе не затворил щедроты. Нечто также было у меня на сердце в то же самое время, что теперь я не могу припомнить, что вместе с этим текстом согревало моё сердце и приводило меня к заключению, что Его милость не могла полностью прекратиться и не престала навсегда.

202. В другое время, помнится, я снова обдумывал этот вопрос: была ли кровь Христа способна спасти мою душу? В таком сомнении я находился с утра и примерно до семи или восьми вечера и, наконец, когда я был, так сказать, полностью измучен страхом, как бы оно не овладело мной, в моём сердце внезапно прозвучали такие слова: «Он способен». Но мне показалось, это слово «способен» было мне сказано громко, оно представлялось большим словом, оно казалось написанным большими буквами и дало такую оплеуху моему страху и сомнению (я имею в виду, что в течение того времени, когда оно оставалось во мне, что длилось в течение одного дня), как я никогда не имел от этого за всю мою жизнь, ни прежде, ни после (Евр. 7:25).

203. Но одним утром, когда я снова был в молитве и трепетал в страхе, что никакое слово Божие не может мне помочь, меня пронзила как стрелой часть следующего высказывания: «Довольно благодати Моей». При этом мне показалось, что я почувствовал некую опору, как будто ещё могла быть надежда. О, как прекрасно, когда Бог посылает Своё слово! Ибо около двух недель ранее я смотрел на то же самое место, и тогда я подумал, что оно не может подойти для моей души в качестве утешения, поэтому я бросил свою книгу с раздражением. Тогда я думал, что она не была достаточно большой для меня; нет, не достаточно большая; но теперь она как будто имела руки благодати раскинутыми так широко, что могла заключить в них не только меня, но ещё и намного больше таких, как я.

204. Этими словами я был поддержан в течение семи или восьми недель, всё же не без чрезвычайных столкновений, ибо мой мир колебался иногда по двадцати раз на дню; утешение сейчас, тревога немного спустя; мир сейчас, и прежде, чем я мог пройти осьмушку мили, – настолько полон страха и вины, насколько может вмещать сердце. И это было не только время от времени, но всё это моё семинедельное переживание, ибо слова о достаточности благодати и те, об отказе Исава от своего первородства, были подобны паре чашек весов в моей голове: иногда одна была сверху, а иногда – другая, в соответствии с чем были либо мир, либо тревога.

205. Поэтому я ещё молил Бога, чтобы Он вошёл в моё сердце этим писанием более полно, то есть, чтобы Он помог мне применить всё предложение целиком, ибо пока я не мог. Он дал это, как я думал, но

дальше идти я не мог, ибо пока оно помогло мне только надеяться, что, может быть, для меня есть милость, – «Довольно благодати Моей». И хотя оно не пошло дальше, оно отвечало на мой прежний вопрос, то есть, что есть надежда, однако, поскольку «для тебя» было опущено, я не был удовлетворён, а молился Богу и об этом также. Поэтому в один день, когда я был в собрании Божьих людей полный печали и ужаса, ибо мои страхи снова усилились, и в то время, когда я подумал, что моей душе ничуть не стало легче, но мой случай – самый печальный и страшный, эти слова с великой силой вмешались в ход моих мыслей: «Довольно благодати Моей для тебя. Довольно благодати Моей для тебя. Довольно благодати Моей для тебя», – три раза подряд. О, мне показалось, что каждое слово было для меня огромным словом, как «довольно», и «благодати», и «Моей», и «для тебя»! Они были тогда, а иногда и теперь, намного больше остальных.

206. В тот раз моё понимание было настолько просвещено, что я как будто увидел Господа Иисуса, смотрящего с небес вниз на меня сквозь черепицу и обращающегося ко мне с этими словами. Это отправило меня в дом плача, оно разбило моё сердце и наполнило меня радостью, и опустило меня до земной пыли; только оно не долго оставалось со мной, я имею в виду, в такой славе и укрепляющем утешении. Однако, это продолжалось в течение нескольких недель и поощряло мою надежду. Но как только такое мощное его воздействие было отнято от моего сердца, то другое, об Исаве, возвратилось ко мне, как раньше. Итак, моя душа снова висела как бы на двух чашах весов, иногда вверху, иногда внизу, сейчас в мире, а тотчас снова в ужасе.

207. Таким образом я продолжал в течение многих недель, иногда утешаемый, и иногда мучимый, и особенно иногда моё мучение становилось очень болезненным, ибо все те вышеупомянутые места из Послания Евреям представляли предо мной, как единственные изречения, державшие меня вне Небес. Тогда я снова начинал сокрушаться, как только та мысль приходила ко мне. Так же я думал сам в себе таким образом: «Ну, как много писаний имеется против меня? Имеется только три или четыре. А не может ли Бог не обращать на них внимания и спасти меня от них всех?» Временами я снова думал: «О, если бы не эти три или четыре места, как бы я

теперь мог утешиться!» И иногда я едва мог удержаться от желания изъять их из Книги.

208. Тогда, мне казалось, я видел, словно и Пётр, и Павел, и Иоанн, и все писатели смотрели на меня с презрением и насмехались надо мной, и словно говорили мне: «Все наши слова – истина, одно – такой же силы, как и другое. Это не мы отсекли тебя, но ты сам изгнал себя. Из наших изречений нет ни одного, на которое ты должен опереться, кроме этих и таких как эти: «Это невозможно» (Евр. 6); «Не остается более жертвы за грехи» (Евр. 10); и «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди» (2 Пет. 2:21); «Не может нарушиться Писание» (Иоан.10:35).

209. Они, как старейшины города убежища, как мне виделось, должны были быть судьями и моего дела, и меня, тогда как я стоял с мстителем за кровь у меня за спиной, с трепетом ожидая избавления в их воротах, также с тысячей страхов и сомнений. Я сомневался, что они впустят меня насовсем (Иис. Н. 20:3,4).

210. Таким образом я запутался, не зная, что делать или как рассеять сомнения в этом вопросе: могли ли Писания сойтись в спасении моей души? Я дрожал от Апостолов; я знал, что их слова истинны, и что они должны стоять вечно.

211. И помню, в один день, когда я бывал в разных расположениях духа и рассматривал, как эти расположения соответствовали природе нескольких писаний, приходивших мне на ум: если это о благодати, тогда я успокаивался, но когда об Исаве, тогда был мучим. «Господи, - подумал я, - если бы оба этих писания встретились в моём сердце одновременно, мне интересно, которое из них возьмёт верх». Итак, мне казалось, мой разум страстно желал, чтобы они могли придти ко мне оба вместе; более того, я ожидал этого от Бога.

212. Итак, примерно два или три дня спустя так и случилось, они принесли ко мне оба одновременно и действовали, и странно боролись во мне в течение какого-то времени. Наконец то, о первородстве Исавы, начало слабеть, и отступать, и исчезать, а это, о достаточности благодати, одержало победу с миром и радостью. И когда я был в размышлении об этом, мне вспомнилось такое писание: «Милость превозносится над судом» (Иак. 2:13).

213. Это было удивительно для меня, однако воистину, я склонен думать, что это было от Бога, ибо Слово закона и гнева должно уступать место Слову жизни и благодати, потому что хотя Слово осуждения и было славно, всё же Слово жизни и спасения намного превосходит его в славе (2 Кор. 3:8-11; Мар. 9:5-7). Также как Моисей и Илия должны оба исчезнуть и оставить Христа и Его святых одних.

214. Следующее писание также принесло приятное посещение моей душе: «И того, кто приходит ко Мне, ни коим образом не изгоню вон» (Иоан. 6:37) [согласно KJV – пер.]. О, что за утешение я получил от этих слов - «ни коим образом»! Как если бы кто сказал: «Ни в коем случае, что бы он ни сделал». Но Сатана много потрудился, чтобы утащить от меня это обетование, рассказывая мне, что Христос не имел в виду меня и таких как я, но грешников более низкого разряда, которые не делали того, что я сделал. Но я снова ответил ему: «Сатана, здесь в этих словах нет такого исключения, но «того, кто приходит», того, любого того». «Того, кто приходит ко Мне, ни коим образом не изгоню вон». И я всё ещё хорошо помню это, что из всех уловок, которые использовал Сатана, чтобы забрать от меня это писание, всё же большего он добился, поставив такой вопрос: «Но правильно ли ты пришёл?» И мне кажется, причина была в том, что он думал, что мне вполне известно, чем является правильный приход; ибо я видел, что придти правильно означало придти таким как есмь, низким и нечестивым грешником, и броситься к ногам милости, осуждая себя за грех. Если когда-либо за всю мою жизнь Сатана и я боролись за какое-либо Божье слово, так именно за эти благие слова Христа; он с одной стороны, а я с другой. О, сколько трудов мы положили! Из-за слов в Иоанна, как я сказал, мы так боролись и рвали; он тянул, и я тянул; но, хвала Богу, я одолел его. Я извлёк из них определённую сладость.

215. Но не смотря на всю эту помощь и благословенные слова благодати, всё же то место о продаже Исавом своего первородства временами ещё мучило мою совесть; ибо хотя я был с любовью утешен, к тому же только что, однако, когда оно приходило мне на ум, оно снова заставляло меня бояться. Я не полностью избавился от этого. Оно каждый день было со мной, поэтому тогда я стал действовать другим способом, а именно, рассматривать природу той богохульной мысли, я имею в виду, если я возьму эти слова в

широком смысле и придам им их собственное естественное значение и цель, именно каждое слово из этого. Итак, когда я таким образом рассуждал, я нашёл, что если бы они были взяты беспристрастно, они бы означали, что я предоставил Господу Иисусу Христу свободный выбор, будет ли Он моим спасителем или нет, ибо теми злыми словами были следующие: «Пусть уходит, если Он хочет». Тогда такое писание давало мне надежду: «Не оставлю тебя и не покину тебя» (Евр.13:5). «О Господи! – сказал я, – но я оставил Тебя». Тогда оно снова ответило: «Но Я не оставлю тебя». За это я также благодарю Бога.

216. Но я всё ещё мучительно боялся, что Он оставит, и находил чрезвычайно трудным доверять Ему, видя, как я оскорбил Его. Я был бы чрезвычайно рад, если бы та мысль никогда не возникала, ибо тогда, думалось, я смог бы с большей лёгкостью и достаточной свободой положиться на Его благодать. Я видел, что со мной было как с братьями Иосифа: вина из-за их собственного злого поступка часто наполняла их страхами, что их брат в конце-концов презрит их (Быт. 50:15-17).

217. Кроме всех писаний, когда-либо встретившихся мне, ещё одно стало величайшим утешением для меня, то место из двадцатой главы Иисуса Навина, где говорится об убийце, которому пришлось бежать за убежищем. И если мстящий за кровь преследует убийцу, тогда, говорит Моисей, старейшины города убежища не выдадут его в его руки, потому что он без умысла убил ближнего своего и не имел к нему ненависти до того. О, благословен Бог за эти слова! Я был убеждён, что я был убийцей, и что мстящий за кровь преследует меня. Я чувствовал великий ужас. Теперь мне оставалось только вопрошать, есть ли у меня право войти в город убежища. Итак я обнаружил, что не мог тот, кто лежал в засаде, чтобы пролить кровь. Это не был умышленный убийца, но тот, кто без умысла сделал это, тот, кто сделал это нечаянно, не по злобе, или из зависти, или по злему умыслу, тот, кто пролил её без умысла, именно тот, кто не имел до этого ненависти к своему ближнему.

218. Поэтому, я подумал, я воистину тот человек, который может войти, потому что я поразил Ближнего своего без умысла, и до этого не ненавидел Его. Я не ненавидел Его до этого, нет, я молился Ему, избегал грешить против Него. Более того, я боролся против того

злого искушения прежде в течение целого года. Более того, также когда оно прошло через моё сердце, оно проникло только сквозь мои зубы. Поэтому, я подумал, я имею право войти в этот город, а старейшины, которые есть Апостолы, не должны выдать меня. Так что это было великим утешением для меня и дало мне почву для надежды.

219. Однако будучи очень дотошным (ибо моё горе привело к тому, что я не знал, какая почва будет достаточно надёжной, чтобы выдержать меня) я имел один вопрос, который моя душа сильно желала разрешить, и вот какой: было ли возможно для какой-нибудь души, согрешившей непростительным грехом, всё же после этого получить, хотя бы только в малейшей степени, истинное духовное утешение от Бога через Христа? В последствии, много размышляя об этом, я нашёл, что ответ был нет, и вот по каким причинам:

220. Во-первых, потому что те, что согрешили этим грехом, лишены участия в крови Христа и, будучи не допущены к этому, они непременно должны быть лишены малейшей почвы для надежды, а также духовного утешения, ибо для таких «не остаётся более жертвы за грехи» (Евр. 10:26). Во-вторых, потому что им отказано в участии в обетовании жизни: «Не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Мат.12:32). В третьих, Сын Божий исключает их также из участия в Его благословенном посредничестве, постыдившись признать их и перед Своим святым Отцом, и благословенными ангелами в Небесах (Мар. 8:38).

221. Когда я очень взвешенно рассмотрел этот предмет и смог сделать только одно заключение, что Господь утешил меня и, к тому же, после такого моего злого греха, тогда мне казалось, я отважился близко подойти к тем самым страшным и ужасным писаниям, которыми я был всё это время так сильно напуган, и на которые в самом деле прежде я едва осмеливался бросить взгляд (более того, сотню раз с трудом сдерживал желание изъять их из Библии), ибо я думал, что они разрушат меня. Но теперь, как я сказал, я начал понемногу осмеливаться подходить к ним близко, чтобы их прочитать, рассмотреть и ощутить их цели и тенденции.

222. Когда я начал это делать, я нашёл, что их облик изменился, ибо они выглядели не такими жестокими, какими они мне казались прежде. И во-первых, я обратился к шестой главе Послания Евреям,

ещё трепеща от страха, что она пристукнет меня, и, рассмотрев которую, я нашёл, что падение, которое там подразумевается, является полным отпадением, то есть, как я постиг, отпадением от Благой Вести прощения грехов Иисусом Христом и её абсолютным отрицанием, ибо с них Апостол начинает свои доводы (стихи 1-3). Во-вторых, я нашёл, что это отпадение должно быть публичным, именно на виду у мира, с тем, чтобы выставить Христа на открытый позор. В третьих, я нашёл, что те, кого он там подразумевал, были навечно отлучены от Бога и в ослеплении, и в ожесточении, и в нераскаянности. Невозможно им опять быть обновлёнными покаянием. По этим особенностям я нашёл, к вечной Божьей хвале, что мой грех не был грехом, который подразумевается в этом месте.

Во-первых, я исповедовал, что я был упавшим, но не отпадшим, то есть от исповедания веры в Иисуса к вечной жизни.

Во-вторых, я исповедовал, что своим грехом я выставил Иисуса Христа на позор, но не открытый позор. Я не отрекался от Него перед людьми, не осудил Его перед миром как бесполезного.

В третьих, я также не находил, чтобы Бог заключил меня или не допускал меня приходить (хотя я нашёл, что это действительно тяжёлая работа - приходить) к Нему в печали и покаянии. Да будет благословен Бог за Его неисследимую благодать!

223. Затем я рассмотрел место в десятой главе Послания Евреям и нашёл, что произвольный грех, который там упоминается, не является любым произвольным грехом, но тем, который отвергает Христа и потом также Его заповеди. Во-вторых, это также должно быть сделано публично, перед двумя или тремя свидетелями, чтобы соответствовать закону (стих 28). В третьих, этот грех не может быть совершён кроме, как с великим пренебрежением по отношению к Духу благодати, презирая как отговаривания от этого греха, так и уговаривания к противоположному. Но Господь знает, хотя этот мой грех и был дьявольским, всё же он не числился среди тех.

224. И что касается места в двенадцатой главе Послания Евреям, о продаже Исавом своего первородства, хотя это и было тем, что убивало меня и стояло против меня как копьё, однако, теперь я рассматривал, во-первых, что его мысль не была поспешной мыслью вопреки постоянной работе его ума, но мысль согласившаяся и, к

тому же, осуществлённая, и это после некоторого обдумывания (Быт. 25). Во-вторых, это было публичное и открытое действие, а именно, перед его братом, если не перед многими. Это сделало его грех более отвратительной природы, чем он был бы в противном случае. В третьих, он продолжал пренебрегать своим первородством: «И он ел и пил, и встал и пошел; и пренебрег Исав первородство» (стих 34). Более того, двадцать лет спустя обнаружилось, что он всё ещё пренебрегал им: «Исав сказал: у меня много, брат мой; пусть будет твое у тебя» (Быт. 33:9).

225. Теперь что касается того, как Исав искал место покаяния [согласно KJV – пер.]. Я думал таким образом: во-первых, это было не ради первородства, но благословения. Это ясно видно у Апостола, а также разделяется самим Исавом: «Он взял первородство мое, и вот, теперь взял благословение мое» (Быт. 27:36). Во-вторых, рассматривая это теперь таким образом, я снова обратился к Апостолу, чтобы посмотреть, какой могла быть Божья мысль в Новозаветном роде и смысле касательно греха Исава. И насколько я мог постичь, мысль Божья была такова: первородство означает возрождение, а благословение – вечное наследство, ибо, кажется, Апостол намекает на это: «Чтобы не было [между вами] какого блудника, или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства»; как если бы он сказал: «Который откажется от всех тех благословенных источников Божьих, которые в настоящее время на нём для нового рождения, чтобы они не стали как Исав, а именно, не были отвергнуты впоследствии, когда они пожелают наследовать благословение.

226. Ибо есть многие, кто в день благодати и милости пренебрёг теми вещами, которые на самом деле являются правом первородства для Небес, кто к тому же, когда настанет решающий день, восплачет также громко, как Исав: «Господи, Господи, отвори нам», но тогда, как не раскаялся Исаак, не раскается и Бог Отец, но скажет: «Тех я благословил, более того, они и будут благословлены. Но что касается вас, отойдите, вы – делатели беззакония» (Быт. 27:33; Лук. 13:25-27).

227. Когда я рассмотрел таким образом те писания и нашёл, что понимать их так было не против, но в согласии с другими писаниями, то это добавило ещё больше к моему ободрению и утешению, а также нанесло сильный удар по тому возражению, то есть, что

Писания не могли согласиться в вопросе спасения моей души. И теперь оставались только отголоски бури, ибо гром был уже позади меня, падали только отдельные капли, которые время от времени попадали в меня. Но поскольку мои прежние страхи и мучения были очень болезненными и глубокими, они ещё часто приключались со мной, как это случается с теми, кто был напуган огнём. В каждом голосе мне слышалось: «Огонь! Огонь!» Каждое лёгкое прикосновение ранило мою чувствительную совесть.

228. Но в один день, когда я проходил через поле, также имея некоторые удары совести, боясь, как бы всё не оказалось неправильным, внезапно такое изречение запало мне в душу: «Твоя праведность на Небе», и вдобавок мне показалось, что я увидел глазами своей души Иисуса Христа одесную Бога. Там, как я сказал, находится моя праведность; так что где бы я ни был, или что бы я ни делал, Бог не мог бы сказать обо мне, что Он требует мою праведность, ибо это находится прямо перед Ним. Кроме того, я также увидел, что это не было моё доброе расположение сердца, которое бы делало мою праведность лучше, ни моё худое расположение, которое бы делало мою праведность хуже, ибо моей праведностью был Сам Иисус Христос, Тот же вчера, сегодня и вовеки (Евр. 13:8).

229. Тогда мои цепи на самом деле свалились с моих ног. Я был освобождён от своего страдания и оков. Мои искушения также исчезли, так что с того времени те страшные Божьи писания перестали беспокоить меня. Тогда я пошёл домой, радуясь из-за благодати и любви Божьей. Итак, когда я пришёл домой, я посмотрел, не смогу ли найти то изречение: «Твоя праведность на Небе», но не мог найти такого высказывания, поэтому моё сердце снова начало падать. Мне вспомнилось только следующее: Христос Иисус, «Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением» (1 Кор.1:30). Из этих слов я увидел, что другое изречение истинно.

230. Ибо через это писание я увидел, что Человек Иисус Христос, в то время как Он отделён от нас, что касается Его телесного присутствия, является нашей праведностью и святостью перед Богом. Поэтому в течение некоторого времени я проводил приятную жизнь в мире с Богом через Христа. О, я думал, Христос! Христос!

Для меня не существовало ничего кроме Христа. Я теперь не смотрел только на одно или другое благо во Христе по отдельности, как от Его крови, смерти, воскресения, но воспринимал Его как цельного Христа, как Того, в Ком все те и все Его другие добродетели, отношения, служения и действия сошлись вместе, и что Он сидит одесную Бога на Небе.

231. Славно было мне видеть Его величие, и ценность и преобладание всех Его достоинств, и это потому, что теперь я мог перевести взгляд с себя на Него и считать все те Божьи достоинства, которые были во мне теперь незрелыми, подобными тем треснутым мелким монетам, которые богатые люди носят в своих кошельках, в то время, как их золото находится дома в сундуке. О, я видел, что моё золото было дома в сундуке, во Христе, моём Господе и Спасителе! Теперь Христос стал всем: всей моей мудростью, всей моей праведностью, всей моей святостью и всем моим искуплением.

232. Далее Господь ввёл меня также в тайну союза с Сыном Божьим, что я был соединён с Ним, что я был плоть от плоти Его и кость от кости Его; и теперь мне были приятны слова в Ефес. 5:30. Этим также моя вера в Него, как и моя праведность, более утвердилась во мне, ибо если Он и я были одно, тогда Его праведность была моей, Его заслуги – моими, Его победа – также моей. Теперь я мог видеть себя и на Небе, и на земле одновременно: на Небе через моего Христа, мою Главу, мою Праведность и Жизнь, а на земле через моё тело и личность.

233. Теперь я видел, что Бог смотрел на Христа Иисуса, и мы должны смотреть на Него также, как на собирательную личность, в Которой всё Тело Его избранных должно всегда рассматриваться и подразумеваться; что мы исполнили Закон в Нём, умерли в Нём, восстали из мёртвых в Нём, получили победу над грехом, смертью, дьяволом и адом, в Нём. Когда Он умер, мы умерли, и то же относительно Его воскресения. «Оживут мертвецы Твои, вместе с Моим мёртвым телом восстанут они», – говорит Он (Ис. 26:19) [согласно KJV — пер.]. И снова: «Оживит нас через два дня, в третий день восставит нас, и мы будем жить пред лицом Его» (Ос.6:2). Это теперь исполняется водворением Сына Человеческого одесную Величия на Небесах, в соответствии со словами в Послании

Ефесеянам: «и воскресил нас с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе» (Еф.2:6).

234. Ах, эти благословенные размышления и писания, со многими другими подобного характера, в те дни заставляли блеснуть мои глаза, так что я имею причину говорить: «Хвалите Бога во святине Его, хвалите Его на тверди силы Его. Хвалите Его по могуществу Его, хвалите Его по множеству величия Его» (Пс. 150:1,2).

235. Таким образом, я передал вам в нескольких словах вкус печали и страдания, через которые прошла моя душа по причине вины и ужаса, к которым меня привела моя злая мысль, и также коснулся моего избавления от этого и приятного и благословенного утешения, которое я нашёл впоследствии, каковое утешение пребывало на моём сердце около года к моему невыразимому восторгу. А сейчас я открою вам (если Бог позволит) перед тем, как продолжу дальше, в одном-двух словах, что, как я постигаю, было причиной этого искушения, и также после этого, насколько полезным, в конце концов, это стало для моей души.

236. Причин же, как я постиг, было, главным образом, две; в них, к тому же, я был глубоко убеждён всё время, пока на мне лежала эта беда. Первая была в том, что получив освобождение от искушения, приходившего раньше, я не молил Бога хранить меня от искушений, которым предстояло придти. Ибо хотя, как я могу сказать по истине, моя душа много молилась перед тем, как это испытание охватило меня, всё же тогда я молился исключительно, или в основном, ради удаления сиюминутных трудностей и ради откровения Его любви во Христе, что, как я увидел впоследствии, было не достаточно. Я также должен молиться, чтобы великий Бог хранил меня от зла, которому предстояло придти.

237. Это я глубоко осознал через молитву святого Давида, который, пребывая под имевшейся милостью, однако молился, чтобы Бог охранял его от будущего греха и искушения. «Тогда, – говорит он, – я буду непорочен и чист от великого развращения» (Пс.18:14). Этими самыми словами я был уязвлён и осуждён в продолжение этого долгого искушения.

238. Были также и другие слова, сильно осуждавшие меня за мою глупость в пренебрежении этой обязанностью (Евр. 4:16). «Посему

да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи». Этого я не сделал, и поэтому таким образом пострадал от греха и падения, в соответствии с написанным: «Молитесь, чтобы не впасть вам в искушение». И воистину, это самое имеет для меня в настоящее время такой вес и внушает трепет, что я не осмеливаюсь, когда предстаю перед Богом, подняться с колен, пока не попрошу у Него помощи и милости против искушений, которым предстоит придти. И я умоляю тебя, читатель, чтобы ты научился остерегаться такой небрежности через страдания, которым из-за этого я в течение дней, месяцев и лет подвергался в печали.

239. Другая причина этого искушения была в том, что я искушал Бога. И вот каким образом я делал это. Однажды, когда моя жена была беременна, и прежде, чем пришло ей время родить, у неё начались схватки, как у женщин в родах, очень болезненные и сильные, как если бы она немедленно стала рожать и разрешилась преждевременно. В это самое время случилось, что я был так сильно искушаем усомниться в существовании Бога, поэтому когда моя жена лежала около меня, крича, я сказал, но со всей вообразимой скрытностью только думая в своём сердце: «Господи, если Ты теперь избавишь мою жену от этого ужасного страдания, и сделаешь, чтобы этой ночью она больше не была потревожена (и тут как раз у неё были схватки), то я узнаю, что Ты можешь различать самые тайные сердечные мысли».

240. Не успел я сказать это в сердце, как схватки у неё прекратились, и она погрузилась в глубокий сон и так проспала до утра, чему я очень удивился, не зная, что и думать. Но, прободрствовав немалое время и больше не слыша её криков, я также заснул, так что когда я пробудился утром, мне вспомнилось как раз то, что я сказал в сердце прошлой ночью. И теперь Господь показал мне, что он знал мои тайные мысли, что сильно изумляло меня в течение нескольких недель после.

241. Итак, примерно через год с половиной та злая, грешная мысль, о которой я сказал раньше, пришла в моё злое сердце; вот эта мысль: «Пусть Христос уходит, если Он хочет». Итак, когда я был повержен из-за этого в чувство вины, воспоминание о другой моей мысли и её результате пришло ко мне с таким резким ответом, нёшим в себе

упрёк: «Теперь ты можешь видеть, что Бог знает самые тайные сердечные мысли».

242. И, вместе с этим, некоторые события, происходившие между Господом и Его слугой Гидеоном, запали мне в душу, потому что Гидеон искушал Бога своей овечьей шерстью, и сухой, и влажной, тогда как он должен был верить и полагаться на Его слова. Поэтому Господь впоследствии так испытывал его, когда посылал его против бесчисленного войска врагов, и к тому же, касательно внешнего проявления, без какой либо силы или помощи (Суд. 6,7). Таким образом Он поступил со мной, и это справедливо, ибо я должен был верить Его слову, не выставляя условий всеведению Божьему.

243. А теперь покажу вам что-то из полезного, что я извлёк из этого искушения. И первое, посредством этого я стал постоянно обладать в своей душе чудесным ощущением как благословения, так и славы Божьей и Его возлюбленного Сына. В искушении, пришедшем раньше, моя душа была смущена неверием, богохульством, жестокосердием, сомнениями в существовании Бога, Христа, истинности Слова и несомненности будущего мира. Как я сказал, тогда я подвергался нападениям и мучим атеизмом, но тут был иной случай; теперь Бог и Христос постоянно были передо мной, хотя и не в качестве утешения, но в качестве чрезвычайного страха и ужаса. Слава Божьей святости в то время разрывала меня на кусочки, а сочувствие и сострадание Христа словно колесовали меня, ибо я не мог рассматривать Его иначе, как потерянного и отвергнутого Христа, воспоминание о Котором было как постоянное переламывание моих костей.

244. Писание также было для меня удивительной вещью. Я видел, что его истинность и правдивость были ключами к Царствию Небесному. Те, к кому Писание благосклонно, должны наследовать блаженство; но те, кому оно противостоит и кого осуждает, должны погибнуть навечно. О, эти слова, «и не может нарушиться Писание», разрывали сорочку моего сердца, а также и другое: «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся». Как мне виделось тогда, Апостолы являются старейшинами города убежища (Иис. Н. 20:4). Те, кого они должны были принять, принимались в жизнь, но те, кого они не впускали, должны быть убиты мстящим за кровь.

245. О, одно изречение из Писания беспокоило и ужасало мой разум более, я имею в виду те изречения, которые стояли против меня (как иногда я думал о каждом из них) более, как я сказал, чем армия из сорока тысяч человек, могущих выступать против меня. Горе тому, против кого направлено Писание.

246. Через это искушение я стал способен видеть больше в природе обетований, чем видел когда-либо прежде, ибо тогда я пребывал в трепете под могущественной Божьей рукой, постоянно разрываемый и раздираемый громогласным говорением Его правосудия. Это заставляло меня с осторожным сердцем и наблюдательным оком с великим страхом переворачивать каждый лист, и с большим прилежанием, смешанным с трепетом, рассматривать каждое предложение, вместе с его природным смыслом и широтой.

247. Посредством этого искушения я был весьма удержан от своей прежней глупой практики откладывания слова обетования, когда я видел, что оно приходило мне на ум. Ибо тогда, хотя я не мог всасывать то утешение и сладость от обетования, как я делал в другие времена, однако, подобно тонущему человеку, я хватался за всё, что видел. Прежде я думал, что не могу браться за обетование, если я не почувствовал в нём утешения, но теперь не было времени делать таким образом, мстящий за кровь ожесточённо преследует меня.

248. Поэтому тогда я был рад ухватиться за то слово, которым, как я всё же боялся, у меня нет основания или права владеть, или даже заглянуть за пазуху того обетования, которое, как я боялся, закроет от меня своё сердце. Тогда я также старался принимать Слово, как его поставил Бог, не ограничивая природную силу ни единого его слога. О, что я увидел тогда в той благословенной шестой главе Иоанна: «И того, кто приходит ко Мне ни коим образом не изгоню вон» (стих 37). Тогда я начал считать, что Божьи уста больше, чтобы ими говорить, чем моё сердце, чтобы вместить. Я также думал сам в себе, что Он не говорил своё слово в спешке, или сгоряча, но с бесконечной мудростью и рассудительностью, и в самой истине и верности.

249. В те дни в своих величайших муках я часто просто бросался к обетованиям (как лошади бросаются к твёрдой земле, когда они проваливаются в трясине), заключая (хотя как тот, кто почти лишился рассудка от страха), что на этом я успокоюсь и останусь, а его

исполнение предоставлю Богу Небес, давшему его. О, как много тягалось моё сердце с Сатаной за эту благословенную шестую главу Иоанна! Тогда я не искал, как в другие времена, главным образом утешения (хотя, о, каким желанным было бы оно для меня!), но тогда одного слова, одного слова, чтобы опереться изнемогшей душе, чтобы она не погибла навеки! Вот за чем я охотился.

250. Более того, обращаясь к обетованию, часто я видел, как будто Господь отвергает мою душу навеки. Часто случалось, что я как будто бежал на пики, и как будто Господь пронзал меня как пламенеющим мечом, чтобы держать меня вне. Тогда я думал о Есфири, которая подала прошение царю вопреки закону (Есф. 4:16). Я думал также о слугах Венедада, которые пошли с верёвками на своих головах к своим врагам просить милости (3 Цар. 20:31). Женщина хананейка, которая также не была обескуражена, хотя и названа Христом псиной (Мат. 15:22), и человек, который пошёл занять хлеба в полночь (Лук. 11:5-8), были для меня великим ободрением.

251. Я никогда не видел тех высот и глубин в благодати, любви и милости, какие я увидел после этого искушения. Великие грехи извлекают великую благодать; и где самая ужасная и лютая вина, там милость Бога во Христе, когда она показана душе, проявляется всех выше и могущественнее. Когда Иов прошёл через своё пленение, он получил вдвое больше того, чем имел прежде (Иов 42:10). Да будет благословен Бог за Иисуса Христа, Господа нашего! Много других вещей я мог бы здесь обозреть, но буду краток и поэтому теперь опущу их. И молю Бога, чтобы мой ущерб мог заставить других бояться грешить, чтобы и им также не пришлось носить железное ярмо как мне.

Два или три раза при освобождении от этого искушения у меня было такое необыкновенное понимание благодати Божией, что я едва мог выносить это. Это было настолько сверх меры изумительно, когда я думал, что это могло достичь меня, что я думаю, если бы ощущение этого долго оставалось на мне, оно бы сделало меня неспособным к работе.

252. Теперь я пойду вперёд, чтобы изложить вам, как Господь имел дело со мной в разные другие времена, и об искушениях, с которыми я встретился тогда. Я начну с того, с чем я встретился, когда я

впервые вступил в общение с народом Божиим в Бедфорде. После того, как я предложил церкви на обсуждение, что моим желанием было ходить с ними в порядке и заповедях Христа, и был также допущен ими, в то время, когда я думал об этой благословенной заповеди Христа, которой была Его последняя вечеря с Его учениками перед Его смертью, это писание, «сие творите в Моё воспоминание» (Лук. 22:19), явилось для меня драгоценным словом, ибо в нём Господь сошёл в мою совесть с откровением о Его смерти за мои грехи и, как я тогда почувствовал, словно окунул меня в силу этого. Но вот, не долго я был участником этой заповеди, как такие лютые и ужасные искушения стали посещать меня каждый раз при этом, чтобы хулить эту заповедь и желать некую смертоносную вещь тем, кто тогда ел от этого. Чтобы я не оказался в какое-либо время виновным в согласии с этими злыми и страшными мыслями, я был вынужден всё время склоняться в молитве Богу сохранить меня от такой хулы, и также вопиять к Богу о благословении хлеба и чаши для них, когда она переходила от уст к устам. Причина этого искушения, как я понял с тех пор, была в том, что я не приступал к участию в этом с тем почтением, которое приличествовало мне на первых порах.

253. Так продолжалось в течение трёх четвертей года, и я не мог иметь покоя, ни облегчения. Но, наконец, Господь вошёл в мою душу с тем же самым писанием, которым моя душа была посещена прежде, и после этого я обычно чувствовал себя хорошо и спокойно, участвуя в этой благословенной заповеди, и, я надеюсь, различал в этом Тело Господне, как разломанное ради моих грехов, и что Его драгоценная кровь была пролита за мои преступления.

255. Однажды I was something inclining to a consumption, wherewith about the spring I was suddenly and violently seized, with much weakness in my outward man; insomuch that I thought I could not live. Now began I afresh to give myself up to a serious examination after my state and condition for the future, and of my evidences for that blessed world to come: for it hath, I bless the name of God, been my usual course, as always, so especially in the day of affliction, to endeavour to keep my interest in the life to come, clear before mine eyes.

256. But I had no sooner began to recall to mind my former experience of the goodness of God to my soul, but there came flocking into my mind an

innumerable company of my sins and transgressions; amongst which these were at this time most to my affliction; namely, my deadness, dulness, and coldness in holy duties; my wanderings of heart, of my wearisomeness in all good things, my want of love to God, His ways and people, with this at the end of all, Are these the fruits of Christianity? Are these tokens of a blessed man?

257. At the apprehensions of these things my sickness was doubled upon me; for now I was sick in my inward man, my soul was clogged with guilt; now also was my former experience of God's goodness to me, quite taken out of my mind, and hid as if they had never been, or seen: now was my soul greatly pinched between these two considerations, Live I must not, die I dare not. Now I sunk and fell in my spirit, and was giving up all for lost; but as I was walking up and down in the house as a man in a most woeful state, that word of God took hold of my heart, Ye are justified freely by His grace, through the redemption that is in Christ Jesus. Rom. iii. 24. But oh! what a turn it made upon me!

258. Now was I as one awaked out of some troublesome sleep and dream; and listening to this heavenly sentence, I was as if I had heard it thus expounded to me: Sinner, thou thinkest, that because thy sins and infirmities, I cannot save thy soul; but behold My Son is by me, and upon Him I look, and not on thee, and shall deal with thee according as I am pleased with Him. At this I was greatly lightened in my mind, and made to understand, that God could justify a sinner at any time; it was but His looking upon Christ, and imputing His benefits to us, and the work was forthwith done.

259. And as I was thus in a muse, that scripture also came with great power upon my spirit, Not by works of righteousness that we have done, but according to His mercy He hath saved us, etc. 2 Tim. i. 9; Tit. iii. 5. Now was I got on high, I saw myself within the arms of grace and mercy; and though I was before afraid to think of a dying hour, yet, now I cried, Let me die: Now death was lovely and beautiful in my sight, for I saw We shall never live indeed, till we be gone to the other world. Oh! methought this life is but a slumber, in comparison with that above. At this time also I saw more in these words, Heirs of God, Rom. viii. 17, than ever I shall be able to express while I live in this world: Heirs of God! God Himself is the portion of the saints. This I saw and wondered at, but cannot tell you what I saw.

260. Again, as I was at another time very ill and weak, all that time also the tempter did beset me strongly (for I find he is much for assaulting the soul; when it begins to approach towards the grave, then is his opportunity), labouring to hide from me my former experience of God's goodness: also setting before me the terrors of death, and the judgment of God, insomuch that at this time, through my fear of miscarrying for ever (should I now die), I was as one dead before death came, and was as if I had felt myself already descending into the pit; methought I said, There were no way, but to hell I must: but behold, just as I was in the midst of those fears, these words of the angel's carrying Lazarus into Abraham's bosom darted in upon me, as who should say, So it shall be with thee when thou dost leave this world. This did sweetly revive my spirit, and help me to hope in God; which when I had with comfort mused on a while, that word fell with great weight upon my mind, O death, where is thy sting? O grave, where is thy victory? 1 Cor. xv. 55. At this I became both well in body and mind at once, for my sickness did presently vanish, and I walked comfortably in my work for God again.

261. At another time, though just before I was pretty well and savoury in my spirit, yet suddenly there fell upon me a great cloud of darkness, which did so hide from me the things of God and Christ, that I was as if I had never seen or known them in my life: I was also so over-run in my soul with a senseless heartless frame of spirit, that I could not feel my soul to move or stir after grace and life by Christ; I was as if my loins were broken, or as if my hands and feet had been tied or bound with chains. At this time also I felt some weakness to seize upon my outward man, which made still the other affliction the more heavy and uncomfortable to me.

262. After I had been in this condition some three or four days, as I was sitting by the fire, I suddenly felt this word to sound in my heart, I must go to Jesus. At this my former darkness and atheism fled away, and the blessed things of heaven were set in my view. While I was on this sudden thus overtaken with surprise, Wife (said I), is there ever such a scripture, I must go to Jesus? She said, she could not tell; therefore I sat musing still, to see if I could remember such a place: I had not sat above two or three minutes, but that came bolting in upon me, And to an innumerable company of angels; and withal, Hebrews twelfth, about the mount Sion, was set before mine eyes. Heb. xii. 22-24.

263. Then with joy I told my wife, O! now I know, I know! But that

night was a good night to me, I never had but few better; I longed for the company of some of God's people, that I might have imparted unto them what God had showed me. Christ was a precious Christ to my soul that night; I could scarce lie in my bed for joy, and peace, and triumph, through Christ. This great glory did not continue upon me until morning, yet the twelfth of the Author to the Hebrews, Heb. xii. 22, 23, was a blessed scripture to me for many days together after this.

264. The words are these: Ye are come to mount Sion, and unto the city of the living God, the heavenly Jerusalem, and to an innumerable company of angels, to the general assembly and church of the first-born, which are written in heaven; and to God the Judge of all, and to the spirits of just men made perfect, and to Jesus the Mediator of the New Covenant, and to the blood of sprinkling, that speaketh better things than that of Abel. Through this blessed sentence the Lord led me over and over, first to this word, and then to that; and showed me wonderful glory in every one of them. These words also have oft since that time, been great refreshment to my spirit. Blessed be God for having mercy on me.

A brief Account of the Author's Call to the Work of the Ministry

265. And now I am speaking my experience, I will in this place thrust in a word or two concerning my preaching the word, and of God's dealing with me in that particular also. For after I had been about five or six years awakened, and helped myself to see both the want and worth of Jesus Christ our Lord, and also enabled to venture my soul upon Him; some of the most able among the saints with us, I say, the most able for judgment and holiness of life, as they conceived, did perceive that God had counted me worth to understand something of His will in His holy and blessed word, and had given me utterance in some measure, to express what I saw to others, for edification; therefore they desired me, and that with much earnestness, that I would be willing, at sometimes to take in hand, in one of the meetings, to speak a word of exhortation unto them.

266. The which, though at the first it did much dash and abash my spirit, yet being still by them desired and entreated, I consented to their request, and did twice at two several assemblies (but in private), though with much

weakness and infirmity, discover my gift amongst them; at which they not only seemed to be, but did solemnly protest, as in the sight of the great God, they were both affected and comforted; and gave thanks to the Father of mercies, for the grace bestowed on me.

267. After this, sometimes, when some of them did go into the country to teach, they would also that I should go with them; where, though as yet, I did not nor durst not, make use of my gift in an open way, yet more privately, still, as I came amongst the good people in those places, I did sometimes speak a word of admonition unto them also; the which they, as the other, received with rejoicing at the mercy of God to me-ward, professing their souls were edified thereby.

268. Wherefore, to be brief; at last, being still desired by the church, after some solemn prayer to the Lord, with fasting, I was more particularly called forth, and appointed to a more ordinary and public preaching of the word, not only to and amongst them that believed, but also to offer the gospel to those who had not yet received the faith thereof; about which time I did evidently find in my mind a secret pricking forward thereto; though I bless God, not for desire of vain-glory; for at that time I was most sorely afflicted with the fiery darts of the devil, concerning my eternal state.

269. But yet could not be content, unless I was found in the exercise of my gift, unto which also I was greatly animated, not only by the continual desires of the godly, but also by that saying of Paul to the Corinthians: I beseech you, brethren (ye know the household of Stephanas, that it is the first fruits of Achaia, and that they have addicted themselves to the ministry of the saints) that ye submit yourselves unto such, and to every one that helpeth with us, and laboureth. 1 Cor. xvi. 15, 16.

270. By this text I was made to see that the Holy Ghost never intended that men who have gifts and abilities, should bury them in the earth, but rather did command and stir up such to the exercise of their gift, and also did commend those that were apt and ready so to do. They have addicted themselves to the ministry of the saints. This scripture, in these days, did continually run in my mind, to encourage me, and strengthen me in this my work for God; I have also been encouraged from several other scriptures and examples of the godly, both specified in the word, and other ancient histories: Acts viii. 4 and xviii. 24, 25, etc.; 1 Pet. iv. 10; Rom. xii. 6; Fox's Acts and Mon.

271. Wherefore, though of myself of all the saints the most unworthy; yet I, but with great fear and trembling at the sight of my own weakness, did set upon the work, and did according to my gift, and the proportion of my faith, preach that blessed gospel that God had showed me in the holy word of truth: which when the country understood, they came in to hear the word by hundreds, and that from all parts, though upon sundry and divers accounts.

272. And I thank God, He gave unto me some measure of bowels and pity for their souls, which also did put me forward to labour, with great diligence and earnestness, to find out such a word as might, if God would bless, lay hold of, and awaken the conscience; in which also the good Lord had respect to the desire of His servant; for I had not preached long, before some began to be touched, and be greatly afflicted in their minds at the apprehension of the greatness of their sin, and of their need of Jesus Christ.

273. But I first could not believe that God should speak by me to the heart of any man, still counting myself unworthy; yet those who thus were touched, would love me and have a particular respect for me; and though I did put it from me, that they should be awakened by me, still they would confess it, and affirm it before the saints of God: they would also bless God for me (unworthy wretch that I am!) and count me God's instrument that showed to them the way of salvation.

274. Wherefore seeing them in both their words and deeds to be so constant, and also in their hearts so earnestly pressing after the knowledge of Jesus Christ, rejoicing that ever God did send me where they were; then I began to conclude it might be so, that God had owned in His work such a foolish one as I; and then came that word of God to my heart, with much sweet refreshment, The blessing of him that was ready to perish, is come upon me; and I caused the widow's heart to sing for joy. Job xxix. 13.

275. At this therefore I rejoiced; yea, the tears of those whom God did awaken by my preaching, would be both solace and encouragement to me: for I thought on those sayings, Who is He then that maketh me glad, but the same which is made sorry by Me? 2 Cor. ii. 2. And again, If I be not an Apostle to others, yet doubtless, I am unto you: for the seal of mine apostleship are ye in the Lord. 1 Cor. ix. 2. These things, therefore, were as another argument unto me, that God had called me to, and stood by me in this work.

276. In my preaching of the word, I took special notice of this one thing, namely, that the Lord did lead me to begin where His word begins with sinners; that is, to condemn all flesh, and to open and allege, that the curse of God by the law, doth belong to, and lay hold on all men as they come into the world, because of sin. Now this part of my work I fulfilled with great sense; for the terrors of the law, and guilt for my transgressions, lay heavy on my conscience: I preached what I felt, what I smartingly did feel; even that under which my poor soul did groan and tremble to astonishment.

277. Indeed, I have been as one sent to them from the dead; I went myself in chains, to preach to them in chains; and carried that fire in my own conscience, that I persuaded them to be aware of. I can truly say, and that without dissembling, that when I have been to preach, I have gone full of guilt and terror, even to the pulpit door, and there it hath been taken off, and I have been at liberty in my mind until I have done my work; and then immediately, even before I could get down the pulpit stairs, I have been as bad as I was before; yet God carried me on, but surely with a strong hand, for neither guilt nor hell could take me off my work.

278. Thus I went on for the space of two years, crying out against men's sins, and their fearful state because of them. After which, the Lord came in upon my own soul, with some staid peace and comfort through Christ; for He did give me many sweet discoveries of His blessed grace through Him; wherefore now I altered in my preaching (for still I preached what I saw and felt); now therefore I did much labour to hold forth Jesus Christ in all His offices, relations, and benefits unto the world; and did strive also to discover, to condemn, and remove those false supports and props on which the world doth both lean, and by them fall and perish. On these things also I staid as long as on the other.

279. After this, God led me into something of the mystery of the union of Christ; wherefore that I discovered and showed to them also. And, when I had travelled through these three chief points of the word of God, about the space of five years or more, I was caught in my present practice, and cast into prison, where I have lain above as long again to confirm the truth by way of suffering, as I was before in testifying of it according to the scriptures, in a way of preaching.

280. When I have been in preaching, I thank God my heart hath often all the time of this and the other exercise, with great earnestness cried to God

that He would make the word effectual to the salvation of the soul; still being grieved lest the enemy should take the word away from the conscience, and so it should become unfruitful: wherefore I should labour to speak the word, as that thereby, if it were possible, the sin and person guilty might be particularized by it.

281. And when I have done the exercise, it hath gone to my heart, to think the word should now fall as rain on stony places; still wishing from my heart, Oh! that they who have heard me speak this day, did but see as I do, what sin, death, hell, and the curse of God is; and also what the grace, and love, and mercy of God is, through Christ, to men in such a case as they are, who are yet estranged from Him. And indeed, I did often say in my heart before the Lord, That if to be hanged up presently before their eyes, would be a means to awaken them, and confirm them in the truth, I gladly should be contented.

282. For I have been in my preaching, especially when I have been engaged in the doctrine of life by Christ, without works, as if an angel of God had stood by at my back to encourage me: Oh! it hath been with such power and heavenly evidence upon my own soul, while I have been labouring to unfold it, to demonstrate it, and to fasten it upon the conscience of others; that I could not be contented with saying, I believe, and am sure; methought I was more than sure (if it be lawful to express myself) that those things which then I asserted, were true.

283. When I first went to preach the word abroad, the doctors and priests of the country did open wide against me. But I was persuaded of this, not to render railing for railing; but to see how many of their carnal professors I could convince of their miserable state by the law, and of the want and worth of Christ: for, thought I, This shall answer for me in time to come, when they shall be for my hire before their face. Gen. xxx. 33.

284. I never cared to meddle with things that were controverted, and in dispute among the saints, especially things of the lowest nature; yet it pleased me much to contend with great earnestness for the word of faith, and the remission of sins by the death and sufferings of Jesus: but I say, as to other things, I should let them alone, because I saw they engendered strife; and because that they neither in doing, nor in leaving undone, did commend us to God to be His: besides, I saw my work before me did run into another channel, even to carry an awakening word; to that therefore did I stick and adhere.

285. I never endeavoured to, nor durst make use of other men's lines, Rom. xv. 18 (though I condemn not all that do), for I verily thought, and found by experience, that what was taught me by the word and Spirit of Christ, could be spoken, maintained, and stood to, by the soundest and best established conscience; and though I will not now speak all that I know in this matter, yet my experience hath more interest in that text of scripture, Gal. i. 11, 12, than many amongst men are aware.

286. If any of those who were awakened by my ministry, did after that fall back (as sometimes too many did), I can truly say, their loss hath been more to me, than if one of my own children, begotten of my own body, had been going to its grave: I think verily, I may speak it without any offence to the Lord, nothing has gone so near me as that; unless it was the fear of the loss of the salvation of my own soul. I have counted as if I had goodly buildings and lordships in those places where my children were born; my heart hath been so wrapped up in the glory of this excellent work, that I counted myself more blessed and honoured of God by this, than if He had made me the emperor of the Christian world, or the lord of all the glory of the earth without it! Oh these words! He which converteth the sinner from the error of his way, shall save a soul from death. James v. 20. The fruit of the righteous is a tree of life; and he that winneth souls is wise. Prov. xi. 30. They that be wise shall shine as the brightness of the firmament, and they that turn many to righteousness, as the stars for ever and ever. Dan. xii. 3. For what is our hope, or joy, or crown of rejoicing? Are not even ye in the presence of our Lord Jesus Christ at His coming? For ye are our glory and joy. 1 Thes. ii. 19, 20. These, I say, with many others of a like nature, have been great refreshments to me.

287. I have observed, that where I have had a work to do for God, I have had first, as it were, the going of God upon my spirit, to desire I might preach there: I have also observed, that such and such souls in particular, have been strongly set upon my heart, and I stirred up to wish for their salvation; and that these very souls have, after this, been given in as the fruits of my ministry. I have observed, that a word cast in, by-the-bye, hath done more execution in a sermon, than all that was spoken besides: sometimes also, when I have thought I did no good, then I did the most of all; and at other times, when I thought I should catch them, I have fished for nothing.

288. I have also observed, that where there has been a work to do upon sinners, there the devil hath begun to roar in the hearts and by the mouths of his servants: yea, oftentimes, when the wicked world hath raged most, there hath been souls awakened by the word: I could instance particulars, but I forbear.

289. My great desire in my fulfilling my ministry was to get into the darkest places of the country, even amongst those people that were farthest off of profession; yet not because I could not endure the light (for I feared not to show my gospel to any) but because I found my spirit did lean most after awakening and converting work, and the word that I carried did lean itself most that way also; Yea, so have I strived to preach the gospel, not where Christ was named, lest I should build upon another man's foundation. Rom. xv. 20.

290. In my preaching I have really been in pain, and have, as it were, travailed to bring forth children to God; neither could I be satisfied unless some fruits did appear in my work. If I were fruitless, it mattered not who commanded me: but if I were fruitful, I cared not who did condemn. I have thought of that: Lo! children are an heritage of the Lord; and the fruit of the womb is His reward. - As arrows are in the hand of a mighty man, so are children of the youth. Happy is the man that hath his quiver full of them: they shall not be ashamed, but they shall speak with the enemies in the gate. Psalm cxxvii. 3-5.

291. It pleased me nothing to see people drink in opinions, if they seemed ignorant of Jesus Christ, and the worth of their own salvation, sound conviction for sin, especially for unbelief, and a heart set on fire to be saved by Christ, with strong breathings after a truly sanctified soul: that it was that delighted me; those were the souls I counted blessed.

292. But in this work, as in all other, I had my temptations attending me, and that of divers kinds; as sometimes I should be assaulted with great discouragement therein, fearing that I should not be able to speak a word at all to edification; nay, that I should not be able to speak sense unto the people; at which times I should have such a strange faintness and strengthlessness seize upon my body, that my legs have scarce been able to carry me to the place of exercise.

293. Sometimes again when I have been preaching, I have been violently assaulted with thoughts of blasphemy, and strongly tempted to speak the

words with my mouth before the congregation. I have also at some times, even when I have begun to speak the word with much clearness, evidence, and liberty of speech, yet been, before the ending of that opportunity, so blinded and so estranged from the things I have been speaking, and have been also so straightened in my speech, as to utterance before the people, that I have been as if I had not known, or remembered what I have been about; or as if my head had been in a bag all the time of my exercise.

294. Again, when as sometimes I have been about to preach upon some smart and searching portion of the word, I have found the tempter suggest, What! will you preach this! This condemns yourself; of this your own soul is guilty; wherefore preach not of it at all; or if you do, yet so mince it, as to make way for your own escape; lest instead of awakening others, you lay that guilt upon your own soul, that you will never get from under.

295. But I thank the Lord, I have been kept from consenting to these so horrid suggestions, and have rather, as Sampson, bowed myself with all my might, to condemn sin and transgression, wherever I found it; yea, though therein also I did bring guilt upon my own conscience: Let me die (thought I), with the Philistines, Judges xvi. 29, 30, rather than deal corruptly with the blessed word of God. Thou that teachest another, teachest thou not thyself? It is far better that thou do judge thyself, even by preaching plainly unto others, than that thou, to save thyself, imprison the truth in righteousness. Blessed be God for His help also in this.

296. I have also, while found in this blessed work of Christ, been often tempted to pride and liftings up of heart: and though I dare not say, I have not been affected with this, yet truly the Lord of His precious mercy, hath so carried it towards me, that for the most part I have had but small joy to give way to such a thing: for it hath been my every day's portion to be let into the evil of my own heart, and still made to see such a multitude of corruptions and infirmities therein, that it hath caused hanging down of the head under all my gifts and attainments; I have felt this thorn in the flesh, 2 Cor. xii. 8, 9, the very mercy of God to me.

297. I have also had, together with this, some notable place or other of the word presented before me, which word hath contained in it some sharp and piercing sentence concerning the perishing of the soul, notwithstanding gifts and parts: as, for instance, that hath been of great use to me: Though I speak with the tongues of men and angels, and have not charity, I am become as sounding brass, and a tinkling cymbal.

1 Cor. xiii. 1, 2.

298. A tinkling cymbal is an instrument of music, with which a skilful player can make such melodious and heart-inflaming music, that all who hear him play, can scarcely hold from dancing; and yet behold the cymbal hath not life, neither comes the music from it, but because of the art of him that plays therewith; so then the instrument at last may come to nought and perish, though in times past such music hath been made upon it.

299. Just thus I saw it was, and will be, with them who have gifts, but want saving grace; they are in the hand of Christ, as the cymbal in the hand of David: and as David could with the cymbal make that mirth in the service of God, as to elevate the hearts of the worshippers, so Christ can use these gifted men, as with them to affect the souls of His people in His church; yet when He hath done all, hang them by, as lifeless, though sounding cymbals.

300. This consideration therefore, together with some others, were for the most part, as a maul on the head of pride, and desire of vain-glory. What, thought I, shall I be proud because I am a sounding brass? Is it so much to be a fiddle? hath not the least creature that hath life, more of God in it than these? Besides, I knew 'twas love should never die, but these must cease and vanish: so I concluded, a little grace, a little love, a little of the true fear of God, is better than all the gifts: yea, and I am fully convinced of it, that it is possible for souls that can scarce give a man an answer, but with great confusion as to method; I say, it is possible for them to have a thousand times more grace, and so to be more in the love and favour of the Lord, than some who by the virtue of the gift of knowledge, can deliver themselves like angels.

301. Thus therefore I came to perceive that, though gifts in themselves were good, to the thing for which they are designed, to wit, the edification of others; yet empty, and without power to save the soul of him that hath them, if they be alone: neither are they, as so, any sign of a man's state to be happy, being only a dispensation of God to some, of whose improvement, or non-improvement, they must when a little love more is over, give an account to Him that is ready to judge the quick and the dead.

302. This showed me too, that gifts being alone, were dangerous, not in themselves, but because of those evils that attend them that have them, to

wit, pride, desire of vain glory, self-conceit, etc., all which were easily blown up at the applause and commendation of every unadvised Christian, to the endangering of a poor creature to fall into the condemnation of the devil.

303. I saw therefore that he that hath gifts, had need be let into a sight of the nature of them, to wit, that they come short of making of him to be in a truly saved condition, lest he rest in them, and so fall short of the grace of God.

304. He hath cause also to walk humbly with God and be little in his own eyes, and to remember withal, that his gifts are not his own, but the churches; and that by them he is made a servant to the church; and he must also give at last an account of his stewardship unto the Lord Jesus, and to give a good account will be a blessed thing.

305. Let all men therefore prize a little with the fear of the Lord (gifts indeed are desirable), but yet great grace and small gifts are better than great gifts and no grace. It doth not say, the Lord gives gifts and glory, but the Lord gives grace and glory; and blessed is such an one, to whom the Lord gives grace, true grace; for that is a certain forerunner of glory.

306. But when Satan perceived that his thus tempting and assaulting of me, would not answer his design; to wit, to overthrow the ministry, and make it ineffectual, as to the ends thereof: then he tried another way, which was, to stir up the minds of the ignorant and malicious to load me with slanders and reproaches: now therefore I may say, that what the devil could devise, and his instruments invent, was whirled up and down the country against me, thinking, as I said, that by that means they should make my ministry to be abandoned.

307. It began therefore to be rumoured up and down among the people, that I was a witch, a Jesuit, a highwayman, and the like.

308. To all which, I shall only say, God knows that I am innocent. But as for mine accusers, let them provide themselves to meet me before the tribunal of the Son of God, there to answer for all these things (with all the rest of their iniquities) unless God shall give them repentance for them, for the which I pray with all my heart.

309. But that which was reported with the boldest confidence, was, that I had my misses, my whores, my bastards; yea, two wives at once, and the

like. Now these slanders (with the others) I glory in, because but slanders, foolish or knavish lies, and falsehoods cast upon me by the devil and his seed; and, should I not be dealt with thus wickedly by the world, I should want one sign of a saint, and a child of God. Blessed are ye (said the Lord Jesus) when men shall revile you and persecute you, and shall say all manner of evil against you falsely for My sake; rejoice and be exceeding glad, for great is your reward in heaven, for so persecuted they the prophets which were before you. Matt. iv. 11.

310. These things therefore, upon mine own account, trouble me not; no, though they were twenty times more than they are. I have a good conscience, and whereas they speak evil of me, as an evil-doer, they shall be ashamed that falsely accuse my good conversation in Christ.

311. So then, what shall I say to those who have thus bespattered me? Shall I threaten them? Shall I chide them? Shall I flatter them? Shall I entreat them to hold their tongues? No, not I. Were it not for that these things make them ripe for damnation, that are the authors and abettors, I would say unto them, Report it, because 'twill increase my glory.

312. Therefore I bind these lies and slanders to me as an ornament; it belongs to my Christian profession to be vilified, slandered, reproached and reviled; and since all this is nothing else, as my God and my conscience do bear me witness, I rejoice in reproaches for Christ's sake.

313. I also call all these fools or knaves, that have thus made it any thing of their business to affirm any of the things afore-named of me; namely, That I have been naught with other women, or the like. When they have used the utmost of their endeavours, and made the fullest inquiry that they can, to prove against me truly, that there is any woman in heaven, or earth, or hell, that can say, I have at any time, in any place, by day or night, so much as attempted to be naught with them; and speak I thus to beg my enemies into a good esteem of me? No, not I: I will in this beg belief of no man: believe or disbelieve me in this, all is a-case to me.

314. My foes have missed their mark in this shooting at me: I am not the man: I wish that they themselves be guiltless. If all the fornicators and adulterers in England were hanged up by the neck till they be dead, John Bunyan, the object of their envy, would be still alive and well. I know not whether there be such a thing as a woman breathing under the copes of the whole heaven, but by their apparel, their children, or by common fame,

except my wife.

315. And in this I admire the wisdom of God, that He made me shy of women from my first conversion until now. Those shy of women know, and can also bear me witness, with whom I have been most intimately concerned, that it is a rare thing to see me carry it pleasant towards a woman: the common salutation of women I abhor; 'tis odious to me in whomsoever I see it. Their company alone, I cannot away with; I seldom so much as touch a woman's hand; for I think these things are not so becoming me. When I have seen good men salute those women that they have visited, or that have visited them, I have at times made my objection against it; and when they have answered, that it was but a piece of civility, I have told them, it is not a comely sight. Some indeed have urged the holy kiss; but then I have asked why they made baulks? why they did salute the most handsome, and let the ill-favoured go? Thus, how laudable soever such things have been in the eyes of others, they have been unseemly in my sight.

316. And now for a wind-up in this matter, I calling not only men, but angels, to prove me guilty of having carnally to do with any woman save my wife: nor am I afraid to do it a second time; knowing that it cannot offend the Lord in such a case, to call God for a record upon my soul, that in these things I am innocent. Not that I have been thus kept, because of any goodness in me, more than any other; but God has been merciful to me, and has kept me; to whom I pray that He will keep me still, not only from this, but every evil way and work, and preserve me to His heavenly kingdom. Amen.

317. Now as Satan laboured by reproaches and slanders, to make me vile among my countrymen; that, if possible, my preaching might be made of none effect; so there was added hereto, a long and tedious imprisonment, that thereby I might be frightened from my service for Christ, and the world terrified, and made afraid to hear me preach; of which I shall in the next place give you a brief account.

A BRIEF ACCOUNT OF THE AUTHOR'S IMPRISONMENT

318. Having made profession of the glorious gospel of Christ a long time, and preached the same about five years, I was apprehended at a meeting of good people in the country (among whom, had they let me alone, I should have preached that day, but they took me away from amongst them), and had me before a justice; who, after I had offered security for my appearing at the next sessions, yet committed me, because my sureties would not consent to be bound that I should preach no more to the people.

319. At the sessions after I was indicted for an upholder and maintainer of unlawful assemblies and conventicles, and for not conforming to the national worship of the church of England; and after some conference there with the justices, they taking my plain dealing with them for a confession, as they termed it, of the indictment, did sentence me to a perpetual banishment, because I refused to conform. So being again delivered up to the jailer's hands, I was had home to prison, and there have lain now complete twelve years, waiting to see what God would suffer these men to do with me.

320. In which condition I have continued with much content, through grace, but have met with many turnings and goings upon my heart, both from the Lord, Satan, and my own corruptions; by all which (glory be to Jesus Christ) I have also received among many things, much conviction, instruction, and understanding, of which at large I shall not here discourse; only give you a hint or two, a word that may stir up the godly to bless God, and to pray for me; and also to take encouragement, should the case be their own - not to fear what man can do unto them.

321. I never had in all my life so great an inlet into the word of God as now: those scriptures that I saw nothing in before, are made in this place and state to shine upon me; Jesus Christ also was never more real and apparent than now; here I have seen and felt Him indeed: Oh! that word, We have not preached unto you cunningly devised fables, 2 Pet. i. 16, and that, God raised Christ from the dead, and gave Him glory, that our faith and hope might be in God 1 Pet. i. 21, were blessed words unto me in this my imprisoned condition.

322. These three or four scriptures also have been great refreshments in this condition to me: John xiv. 1-4; John xvi. 33; Col. iii. 3, 4; Heb. xii.

22-24. So that sometimes when I have been in the savour of them, I have been able to laugh at destruction, and to fear neither the horse nor his rider. I have had sweet sights of the forgiveness of my sins in this place, and of my being with Jesus in another world: Oh! the mount Sion, the heavenly Jerusalem, the innumerable company of angels, and God the Judge of all, and the spirits of just men made perfect, and Jesus, have been sweet unto me in this place: I have seen that here, that I am persuaded I shall never, while in this world, be able to express: I have seen a truth in this scripture, Whom having not seen, ye love; in whom, though now you see Him not, yet believing, ye rejoice with joy unspeakable, and full of glory. 1 Pet. i. 8.

323. I never knew what it was for God to stand by me at all turns, and at every offer of Satan to afflict me, etc., as I have found Him since I came in hither: for look how fears have presented themselves, so have supports and encouragements; yea, when I have started, even as it were, at nothing else but my shadow, yet God, as being very tender of me, hath not suffered me to be molested, but would with one scripture or another, strengthen me against all; insomuch that I have often said, were it lawful, I could pray for greater trouble, for the greater comfort's sake. Eccl. vii. 14; 2 Cor. i. 5.

324. Before I came to prison, I saw what was coming, and had especially two considerations warm upon my heart; the first was, how to be able to encounter death, should that be here my portion. For the first of these, that scripture, Col. i. 11, was great information to me, namely, to pray to God to be strengthened with all might, according to His glorious power, unto all patience and long-suffering with joyfulness. I could seldom go to prayer before I was imprisoned; but for not so little as a year together, this sentence, or sweet petition would, as it were, thrust itself into my mind, and persuade me, that if ever I would go through long-suffering, I must have all patience, especially if I would endure it joyfully.

325. As to the second consideration, that saying (2 Cor. i. 9) was of great use to me, But we had the sentence of death in ourselves, that we should not trust in ourselves, but in God, which raiseth the dead. By this scripture I was made to see, That if ever I would suffer rightly, I must first pass a sentence of death upon every thing that can properly be called a thing of this life, even to reckon myself, my wife, my children, my health, my enjoyments, and all as dead to me, and myself as dead to them.

326. The second was to live upon God that is invisible, as Paul said in another place; the way not to faint is, To look not on the things that are seen, but at the things that are not seen; for the things that are seen are temporal, but the things that are not seen are eternal. And thus I reasoned with myself, if I provide only for a prison, then the whip comes at unawares; and so doth also the pillory: Again, if I only provide for these, then I am not fit for banishment. Further, if I conclude that banishment is the worst, then if death comes, I am surprised: so that I see, the best way to go through sufferings, is to trust in God through Christ, as touching the world to come; and as touching this world, to count the grave my house, to make my bed in darkness; to say to corruption, Thou art my father, and to the worm, Thou art my mother and sister: that is, to familiarize these things to me.

327. But notwithstanding these helps, I found myself a man and compassed with infirmities; the parting with my wife and poor children, hath often been to me in this place, as the pulling the flesh from the bones, and that not only because I am somewhat too fond of these great mercies, but also because I should have often brought to my mind the many hardships, miseries, and wants that my poor family was like to meet with, should I be taken from them, especially my poor blind child, who lay nearer my heart than all besides: Oh! the thoughts of the hardship I thought my poor blind one might go under, would break my heart to pieces.

328. Poor child! thought I, what sorrow art thou like to have for thy portion in this world! Thou must be beaten, must beg, suffer hunger, cold, nakedness, and a thousand calamities, though I cannot now endure the wind should blow upon thee. But yet recalling myself, thought I, I must venture you all with God, though it goeth to the quick to leave you: Oh! I saw in this condition I was as a man who was pulling down his house upon the head of his wife and children; yet, thought I, I must do it, I must do it: and now I thought on those two milch kine that were to carry the ark of God into another country, and to leave their calves behind them. 1 Sam. vi. 10-12.

329. But that which helped me in this temptation, was divers considerations, of which, three in special here I will name, the first was the consideration of these two scriptures, Leave thy fatherless children, I will preserve them alive, and let thy widows trust in me: and again, The

Lord said, Verily it shall be well with thy remnant, verily, I will cause the enemy to entreat thee well in the time of evil, and in time of affliction. Jer. xlix. 11; xv. 11.

330. I had also this consideration, that if I should not venture all for God, I engaged God to take care of my concerns: but if I forsook Him and His ways, for fear of any trouble that should come to me or mine, then I should not only falsify my profession, but should count also that my concerns were not so sure, if left at God's feet, whilst I stood to and for His name, as they would be if they were under my own care, though with the denial of the way of God. This was a smarting consideration, and as spurs unto my flesh. That scripture also greatly helped it to fasten the more upon me, where Christ prays against Judas, that God would disappoint him in his selfish thoughts, which moved him to sell his Master. Pray read it soberly: Psalm cix. 6-8, etc.

331. I had also another consideration, and that was, the dread of the torments of hell, which I was sure they must partake of that for fear of the cross, do shrink from their profession of Christ, His words and laws before the sons of men: I thought also of the glory that He had prepared for those that in faith, and love, and patience, stood to His ways before them. These things, I say, have helped me, when the thoughts of the misery that both myself and mine, might for the sake of my profession be exposed to, hath lain pinching on my mind.

332. When I have indeed conceited that I might be banished for my profession, then I have thought of that scripture: They were stoned, they were sawn asunder, were tempted, were slain with the sword, they wandered about in sheep-skins, and goat-skins, being destitute, afflicted, tormented, of whom the world was not worthy; for all they thought they were too bad to dwell and abide amongst them. I have also thought of that saying, the Holy Ghost witnesseth in every city, that bonds and afflictions abide me. I have verily thought that my soul and it have sometimes reasoned about the sore and sad estate of a banished and exiled condition, how they were exposed to hunger, to cold, to perils, to nakedness, to enemies, and a thousand calamities; and at last, it may be, to die in a ditch, like a poor and desolate sheep. But I thank God, hitherto I have not been moved by these most delicate reasonings, but have rather, by them, more approved my heart to God.

333. I will tell you a pretty business:- I was once above all the rest, in a very sad and low condition for many weeks; at which time also, I being but a young prisoner, and not acquainted with the laws, had this lying much upon my spirits, that my imprisonment might end at the gallows for ought that I could tell. Now therefore Satan laid hard at me, to beat me out of heart, by suggesting thus unto me: But how if, when you come indeed to die, YOU should be in this condition; that is, as not to savour the things of God, nor to have any evidence upon your soul for a better state hereafter? (for indeed at that time all the things of God were hid from my soul).

334. Wherefore, when I at first began to think of this, it was a great trouble to me; for I thought with myself, that in the condition I now was in, I was not fit to die, neither indeed did I think I could, if I should be called to it; besides, I thought with myself, if I should make a scrambling shift to clamber up the ladder, yet I should either with quaking, or other symptoms of fainting, give occasion to the enemy to reproach the way of God and His people for their timorousness. This, therefore, lay with great trouble upon me, for methought I was ashamed to die with a pale face, and tottering knees, in such a cause as this.

335. Wherefore I prayed to God that He would comfort me, and give me strength to do and suffer me what He should call me to; yet no comfort appeared, but all continued hid: I was also at this time, so really possessed with the thought of death, that oft I was as if I was on a ladder with the rope about my neck; only this was some encouragement to me; I thought I might now have an opportunity to speak my last words to a multitude, which I thought would come to see me die; and, thought I, if it must be so, if God will but convert one soul by my very last words, I shall not count my life thrown away, nor lost.

336. But yet all the things of God were kept out of my sight, and still the tempter followed me with, But whither must you go when you die? what will become of you? where will you be found in another world? what evidence have you for heaven and glory, and an inheritance among them that are sanctified? Thus was I tossed for many weeks, and knew not what to do; at last this consideration fell with weight upon me, that it was for the word and way of God that I was in this condition, Wherefore I was engaged not to flinch an hair's breadth from it.

337. I thought also, that God might choose whether He would give me comfort now, or at the hour of death; but I might not therefore choose whether I would hold my profession or no: I was bound, but He was free; yea, 'twas my duty to stand to His word, whether He would ever look upon me or save me at the last: wherefore, thought I, save the point being thus, I am for going on, and venturing my eternal state with Christ, whether I have comfort here or no; if God doth not come in, thought I, I will leap off the ladder even blindfold into eternity, sink or swim, come heaven, come hell, Lord Jesus, if Thou wilt catch me, do; if not, I will venture for Thy name.

338. I was no sooner fixed in this resolution, but the word dropped upon me, Doth Job serve God for nought? As if the accuser had said, Lord, Job is no upright man, he serves Thee for bye-respects: hast Thou not made an hedge about him, etc. But put forth now Thine hand, and touch all that he hath, and, he will curse Thee to Thy face. How now! thought I, is this the sign of an upright soul, to desire to serve God, when all is taken from him? Is he a godly man that will serve God for nothing, rather than give out! Blessed be God! then I hope I have an upright heart, for I am resolved (God giving me strength) never to deny my profession, though I have nothing at all for my pains: and as I was thus considering, that scripture was set before me: Psalm xlv. 12, etc.

339. Now was my heart full of comfort; for I hoped it was sincere: I would not have been without this trial for much; I am comforted every time I think of it, and I hope I shall bless God for ever, for the teaching I have had by it. Many more of the dealings towards me I might relate, But these out of the spoils won in battle I have dedicated to maintain the house of God. 1 Chron. xxvi. 27.

THE CONCLUSION

1. Of all the temptations that ever I met with in my life, to question the being of God, and truth of His gospel is the worst, and the worst to be borne; when this temptation comes, it takes away my girdle from me, and removeth the foundation from under me: Oh! I have often thought of that word, Have your loins girt about with truth; and of that, When the foundations are destroyed, what can the righteous do?
2. Sometimes, when after sin committed, I have looked for sore chastisement from the hand of God, the very next that I have had from Him, hath been the discovery of His grace. Sometimes when I have been comforted, I have called myself a fool for my so sinking under trouble. And then again, when I have been cast down, I thought I was not wise, to give such way to comfort; with such strength and weight have both these been upon me.
3. I have wondered much at this one thing, that though God doth visit my soul with never so blessed a discovery of Himself, yet I have found again, that such hours have attended me afterwards, that I have been in my spirit so filled with darkness, that I could not so much as once conceive what that God and that comfort was, with which I have been refreshed.
4. I have sometimes seen more in a line of the Bible, than I could well tell how to stand under; and yet at another time, the whole Bible hath been to me as dry as a stick; or rather, My heart hath been so dead and dry unto it, that I could not conceive the refreshment, though I have looked it all over.
5. Of all fears, they are best that are made by the blood of Christ; and of all joy, that is the sweetest that is mixed with mourning over Christ: Oh! it is a goodly thing to be on our knees, with Christ in our arms, before God: I hope I know something of these things.
6. I find to this day seven abominations in my heart: 1. Inclining to unbelief; 2. Suddenly to forget the love and mercy that Christ manifesteth; 3. A leaning to the works of the law; 4. Wanderings and coldness in prayer; 5. To forget to watch for that I pray for; 6. Apt to murmur because I have no more, and yet ready to abuse what I have; 7. I can do none of those things which God commands me, but my corruptions will thrust in themselves. When I would do good, evil is present with me.
7. These things I continually see and feel, and am afflicted and oppressed

with, yet the wisdom of God doth order them for my good; 1. They make me abhor myself; 2. They keep me from trusting my heart; 3. They convince me of the insufficiency of all inherent righteousness; 4. They show me the necessity of flying to Jesus; 5. They press me to pray unto God; 6. They show me the need I have to watch and be sober; 7. And provoke me to pray unto God, through Christ, to help me, and carry me through this world.